

Синее на золотом

Автор:

Валерия Вербинина

Синее на золотом

Валерия Вербинина

Амелия была даже не знакома со своим женихом, виконтом Оливье де Вильмореном – об их браке договорились родители. Молодая женщина как раз ехала к нему через охваченную смутой Францию, когда едва не стала жертвой разбойников. Спас ее таинственный незнакомец Луи, солдат французской революции. Судьба свела их, подарив краткие мгновения счастья, и сразу же разлучила... Прибыв в замок жениха, Амелия обнаружила, что виконт и его друзья – заговорщики, которые стремятся свергнуть власть республиканцев. Амелии ничего не оставалось, как присоединиться к ним. Так она и Луи оказались по разные стороны баррикады. Может, это поможет ей справиться с внезапно вспыхнувшим чувством к нему?..

Валерия Вербинина

Синее на золотом

Пролог

- Шагай!

Он получил такой толчок в спину, что едва не упал, но в последний момент удержался на ногах. Из раны надо лбом текла кровь, левое плечо, которое задел

удар палаша, болезненно отзывалось на каждое движение.

- Пошевеливайся, ты!

Ступеньки, ступеньки – их было всего десять или двенадцать, но измученному сознанию казалось, что лестница никогда не кончится.

- Вперед!

Дверь протестующе взвизгнула, поворачиваясь на петлях, и на пленника наплыла мягкая волна жара. В камине полыхал огонь, бросая отсветы на настенные часы с маятником, стол, заваленный бумагами, и сидящего за ним человека, который запечатывал какое-то письмо. Возле стола вытянулся офицер в синей форме.

- В Париж, и как можно скорее, – сказал сидящий, протягивая письмо офицеру. Тот отдал честь и проследовал к выходу. Генерал перевел взгляд на конвоира.

- Вот, гражданин генерал... Привел, как вы велели. Это их командир.

Генерал зевнул и откинулся на спинку стула. Чувствовалось, что день был долгим, и даже этот человек, слишком молодой для своего звания, смертельно устал.

- Вам известно, что по закону каждый эмигрант, захваченный с оружием в руках, должен быть расстрелян на месте?

- Я не эмигрант, – холодно возразил пленник, вытирая кровь с лица. – Никогда не имел чести жить в вашей стране. И надеюсь, что не буду иметь, – глумливо прибавил он.

- Кто вы такой?

- Август-Станислав-Морис Браницкий. Польский дворянин.

...Он собрал все свои силы, чтобы не упасть, но потеря крови все же давала о себе знать, и он пошатнулся. Генерал вздохнул.

– Сядьте... Вы отлично говорите по-французски, польский дворянин.

– Я получил хорошее образование в отличие от некоторых, – задорно отозвался тот, опускаясь на ближайший стул.

– У вас есть какие-нибудь документы, подтверждающие вашу личность? – Похоже, француз решил игнорировать насмешки.

– Мое честное слово, – с готовностью ответил Браницкий.

Генерал пожал плечами.

– Для меня оно ничего не значит.

– О да, мне известно, что для сброда ничто не имеет значения, – уронил поляк.

Но собеседник, как оказалось, умел держать удар.

– Сколько раз я слышал эти слова: сброд, голоштанники, республиканская сволочь... Но если мы такие жалкие и никчемные, почему же мы все время бьем вас, высокородных и блестящих? А?

На это возразить было нечего. Поляк отвел глаза.

– Кроме того, – добавил генерал, – я не понимаю, что имеет против французов человек из страны, которую соседи раз за разом делят, как какой-нибудь огород. – Браницкий вспыхнул и стиснул челюсти. – Может, вам лучше было бы сражаться за вашу родину и с совсем другими врагами?

Пленник молчал. Дверь распахнулась, и, звеня шпорами, в комнату ввалился высокий адъютант в помятом мундире, который явно был ему маловат.

– В чем дело, Франсуа?

– Да, в общем-то, ни в чем, мой генерал[1 - Во французской армии при обращении к старшим офицерам принято добавлять «мой».] , – усмехнулся

адъютант. – Мы обыскали труп его денщика, думали, может, найдем какие бумаги, но...

Браницкий сорвался с места, но конвоир, не упускавший ни единого его движения, тотчас же оказался рядом и заставил сесть.

– Он мертв? – хрипло спросил пленник.

– Она, она, – адъютант ухмыльнулся еще шире. – Можно подумать, ты не знал, что это переодетая баба. Ни в жизнь не поверю!

Поляк глянул с ненавистью.

– Господин генерал, – с мольбой, неожиданной для гордеца, вдруг проговорил он, – заклинаю вас всем, что вам дорого... как офицер... как мужчина... – Он собирался сказать еще что-то, но генерал прервал его.

– Похороните тела, – велел он. – И женщину тоже.

– Слушаюсь, – сказал адъютант почтительно. – На сегодня еще будут распоряжения?

– Пока нет, – ответил генерал, и адъютант удалился, шаркая ногами. Вслед за ним комнату покинул конвоир, которого генерал отослал следить за погребением.

– Благодарю вас, – сказал Браницкий генералу. – Эта несчастная женщина заслужила гораздо больше, чем я мог ей дать. Она погибла из-за меня.

– Ваша жена?

– Нет. Моя жена далеко.

Генерал поморщился и потер пальцами веки. Часы нежно прозвенели половину и умолкли.

– Вы не эмигрант, не австриец, не пруссак. Зачем вы вообще пошли на войну? – внезапно спросил он.

– Чтобы оказаться от жены еще дальше, – со смешком ответил Браницкий. – К сожалению, поблизости была только одна армия, в которую я мог вступить. Если бы у меня был выбор, не исключено, что я предпочел бы вашу. Мне нравятся армии, где можно стать генералом в 20 лет.

– В 25, – поправил его собеседник.

– В самом деле? – притворно изумился пленник. – Можно узнать, что вы для этого сделали?

– Можно. Я бил врага везде, где его встречал.

Он был непрост, этот молодой человек с утомленным лицом; совсем непрост, подумал Браницкий, вытирая кровь с виска. Рана под волосами надсадно ныла.

– Значит, у республиканской армии большое будущее.

Он пытался говорить с сарказмом, но сам понимал, что этот сарказм выглядит нелепо. И все же ему не хотелось позволить какому-то выскочке, наверняка бывшему лейтенанту, если вообще не сапожнику, взять над собой верх.

– Похоже на то, – сказал генерал в ответ на его слова. – Можно узнать, зачем вы напали на моих людей? Чей приказ выполняли?

Браницкий улыбнулся.

– Ничей, – ответил он. – Я хотел... Впрочем, это уже неважно.

– Вы пытались отбить пленных, – напомнил генерал. – Восемь моих людей были убиты. Надеюсь, вы понимаете, что это значит... для вас.

Поляк вскинул голову.

– Меня расстреляют? Или вы возите с собой для таких случаев эту вашу омерзительную гильотину, чтобы не тратить пули? Лично я предпочел бы пулю.

– Можете не беспокоиться, гражданин, – усмехнулся генерал. – Вас расстреляют. – Он взял какую-то бумагу со своего стола и принялся просматривать ее. – Сегодня не день святого Ремакля, так что помилования не будет, гражданин Браницкий.

Пораженный его тоном, пленник уставился на француза во все глаза.

...Неожиданно Браницкий вспомнил, где раньше встречал своего собеседника. То-то, когда его втолкнули в комнату, ему показалось, что он уже где-то видел это лицо... косой шрам с правой стороны лба, задевающий переносицу...

Это было давно, и он, Браницкий, уже успел все забыть. Но его собеседник, судя по всему, не забыл, что и доказывали его слова о малоизвестном святом.

Август Браницкий не принадлежал к людям, которые склонны предаваться сожалениям. Но если бы он мог сейчас вернуться в тот осенний день, когда человек со шрамом впервые возник на его пути, можно не сомневаться, что Браницкий поступил бы с ним совсем иначе. Да, он бы обошелся с ним по всей строгости закона и уж точно не стал бы поддаваться на уговоры сердобольной кузины Амелии...

Ах, кузина Амелия, где же ты теперь?

Полено в камине ярко вспыхнуло и рассыпалось снопом оранжевых искр. Маятник невозмутимо постукивал, качаясь из стороны в сторону, и Браницкий с трудом заставил себя оторвать от него взгляд.

– Да, сегодня не день святого Ремакля, – сказал он.

Часть первая

Человек со шрамом

Глава 1

3 сентября в девятом часу утра шустрая серенькая мышка вылезла из норки и принялась обследовать комнату в доме почтенного верденского гражданина Конталье, которую давно уже привыкла считать своей вотчиной. Последние несколько дней за пределами дома творилась какая-то шумная чепуха. По улице с ржанием проносились лошади, проезжали телеги с ранеными, и где-то то и дело грохотали пушки, от выстрелов сотрясались стены. Но чепуха кончилась так же внезапно, как и началась, пушки умолкли, но зато вчера на улице еще громче кричали «ура» и пускали фейерверки. Сегодня все стихло, и мышь решила, что можно безбоязненно отправиться на поиски съестного. За предыдущие дни ей удалось только перехватить пару кусочков сыра да корочку хлеба.

По шнуру портьеры мышь забралась на стол, обнюхала лайковые перчатки, покосилась на огарок свечи неподалеку и почти решила заняться перчатками, когда в нос ей повеял райский, волшебный аромат. То был запах ванильного крема, миндаля и нежнейшего заварного теста, который источало пирожное, лежащее на маленькой тарелке. Усики мыши затрепетали, она испустила радостный писк и, ничего не видя вокруг, засеменила к вожделенному лакомству, проворно перебирая лапками.

В следующее мгновение в нее полетел увесистый том «Галльских войн».

Очевидно, труд великого Цезаря перенял кровожадные замашки своего автора, хотя, возможно, виною всему были пространные комментарии, занимавшие добрых три четверти книги. Так или иначе, запущенный чьей-то рукой том смел со стола тарелку вместе с пирожным, разметал бумаги, перевернул огарок, опрокинул чернильницу и с громким стуком упал на пол. Мышь сдавленно пискнула и заметалась, но затем соскочила на пол и бросилась бежать.

– Черт подери! – заорал чей-то голос.

За дверями загрохотали шаги, забренчали сабли, и в комнату ворвался плечистый белокурый адъютант с румянцем во всю щеку.

– Что случилось, ваша светлость? Мы слышали страшный шум! В вас стреляли? Вы целы?

Его светлость герцог Брауншвейгский поднялся с кровати, на которой спал одетым, и вперил в адъютанта раздраженный взор.

– Никто в меня не стрелял! Эта чертова мышь... о! – Он застонал и схватился за щеку. Адъютант меж тем подобрал с пола книгу, у которой начал отходить переплет.

– Ненавижу латынь, – сварливо промолвил герцог, по-прежнему держась за щеку. Это было правдой – когда у него болели зубы, он ненавидел все на свете. – Сколько я спал?

– Два с половиной часа, ваша светлость. – Адъютант вернул огарок на место, поставил на стол тарелку, расколовшуюся на две части, и водрузил на нее перепачканное пылью пирожное. Все эти манипуляции он проделал с таким видом, словно важнее их не было ничего на свете.

– Уберите, – злобно дернув ртом, приказал герцог. – Все равно я не смогу ничего есть сегодня... В городе все спокойно?

– О да, ваша светлость. Местные жители счастливы, что их больше не обстреливают из пушек. Они вполне дружелюбны и не доставляют нашим войскам никаких хлопот.

На дворе стоял 1792 год. Минуло всего три года с тех пор, как пала Бастилия, этот ненавистный символ старого режима, оказавшийся на поверку всего лишь обветшавшей крепостью с несколькими безумцами внутри. Сколько иллюзий породили эти первые, самые славные дни Французской революции! Сколько речей было произнесено, одна красноречивее другой, о свободе, равенстве и братстве! Сколько людей поверили в то, что теперь, вот прямо сейчас, наступит новая жизнь, и она будет гораздо лучше прежней!

А потом наступило пробуждение, и оказалось, что новая жизнь многим задаром не нужна, а кое-кого попросту пугает. Свобода не прельщает того, кто и при старом режиме чувствовал себя вольготней всех, равенство не нужно тому, кто в

глубине души считает себя выше прочих, а уж брататься с чумазыми голоштанниками, мелкими лавочниками и дурно пахнущими пролетариями – это вообще моветон, хуже которого не придумаешь. Самые предусмотрительные решили переждать грозу где-нибудь в безопасном месте, и в Англию, в Швейцарию, в германские государства потянулись родовитые аристократы и их любовницы, братья короля и принцы крови. Не может быть, говорили они себе, чтобы эта революция продолжалась долго; все скоро кончится, лавочникам и прочему сброду укажут на место, можно будет вернуться домой и вновь закатывать балы и веселиться как прежде.

Однако время шло, а гроза не то что не утихала, а разрасталась все шире, и в Кобленце, в Лондоне, в Женеве эмигранты с удивлением узнавали о все новых и новых реформах голоштанного правительства. Королевство для удобства управления поделили на департаменты вместо исторических провинций – глупость несусветная! Отменили титулы, упразднили даже обращение «господин», заменив его каким-то диким «гражданин»! Уничтожили церковную десятину и мало того – отобрали церковные земли, которые перепродали лавочникам! Выпустили бумажные деньги вместо золотых, завели какие-то дурацкие праздники, вместо белого королевского знамени предписали новое, трехцветное, сине-бело-красное... Сердца эмигрантов обливались кровью. Они наполнились ненавистью, когда правительство постановило конфисковать имущество бежавших за границу и продать его с молотка. Проклятые голоштанники зашли слишком далеко, и, раз король уже не мог их образумить, оставалось надеяться только на иностранные силы, которые приведут в чувство зарвавшихся лавочников.

А король...

Есть какая-то страшная закономерность в том, что в переломные моменты истории во главе государств непременно оказываются люди, менее всего способные управлять происходящими событиями. Людовик XVI был хорошим семьянином, обладал уравновешенным характером и, в общем, слыл неплохим человеком, но все эти качества, похвальные для частного лица, мало чем могли помочь ему как правителю. Он по-прежнему считался главой государства, имел право назначать и смещать министров, но власть ускользала у него из рук, и, что бы он ни делал, гроза продолжала бушевать. К тому же он совершил много ошибок, отстаивая свои права, но дороже всего ему обошлась неудавшаяся попытка бегства за границу. Отныне все было кончено: народ понял, что король боится его, а сам он уже не мог доверять своему правителю. Видя, что его

обложили со всех сторон, Людовик решился на крайнюю меру – тайком призвал на помощь иностранные войска.

Самые проникательные европейские государи, обеспокоенные развитием событий во Франции, уже давно твердили о том, что пора положить конец произволу черни, не то революционная зараза может перекинуться и на их благополучные дома. Однако слова – это одно, а способными на действия оказались лишь двое: австрийский император, брат французской королевы Марии-Антуанетты, и его союзник – прусский король. К ним присоединился принц Конде со своим корпусом, набранным из эмигрантов, так что в распоряжении коалиции оказалась внушительная армия в 74 тысячи человек. Главнокомандующим был назначен герцог Брауншвейгский, старый военный с безупречной репутацией. Своей целью прусский король и австрийский император провозгласили возвращение Людовика на трон предков и восстановление во Франции законного порядка. Порядок мыслился примерно таким образом: мир – крестьянам, замки – аристократам, а приверженцев свободы, равенства и братства – на фонари, где им самое место.

Если бы союзники думали только так, то ничего страшного бы не случилось; но, на свою беду, они пошли на поводу у жаждущих отмщения роялистов и выпустили манифест, в котором герцог Брауншвейгский заявил, что сотрет Париж с лица земли, если с королевской семьей что-то случится. Манифест дошел до Парижа и вызвал там невиданное возмущение, итогом которого стало окончательное низложение короля и заключение его вместе с семьей в тюрьму Тампль. Таким образом, начало кампании нельзя было считать слишком удачным. Но вскоре оно с лихвой было возмещено военными победами. Как выяснилось, армия поборников свободы никуда не годилась. Французские войска отступали, офицеры-дворяне переходили на сторону врага, солдаты дезертировали толпами. Словом, все, решительно все обещало союзникам стремительный успех.

Арденнская армия под командованием генерала Дюмурье, последняя, на которую надеялись мятежники, была вынуждена отступить, но теперь даже новость о ее окончательном разгроме вряд ли обрадовала бы герцога. Он чувствовал себя старым, больным и несчастным. Вдобавок ко всему у него начала ныть простреленная когда-то нога, а это означало, что погода вскоре ухудшится. Он с отвращением поглядел на пышущее здоровьем лицо адъютанта и отвернулся, поудобнее прилаживая съехавший набок парик.

– Какие новости, Людвиг?

– Новости, ваша светлость? К полковнику Браницкому приехала какая-то дама.

– Вы иногда поражаете меня, Людвиг, – забурчал герцог, которому наконец удалось надеть парик как следует. – Я вас спрашиваю о военных действиях, об этом прохвосте Дюмурье, а вы мне о какой-то даме. Кто она такая, кстати?

– Она говорит, что родственница, – объявил Людвиг. – Но сестер у него нет, так что... гм!

И он со значением покосился на главнокомандующего.

– Думаете, жена? – проворчал герцог.

– Думаю, это было бы нежелательно, – в некотором замешательстве ответил адъютант. – Я хотел сказать, ваша светлость...

Но его светлость уже вспомнил, что полковника Браницкого – кстати, отличного военного и храброго малого – в качестве денщика сопровождала переодетая девица, что отношения, которые были между этой девицей и Браницким, ни для кого в войске не составляли тайны и что появление жены, пусть даже сто раз законной, вряд ли могло обрадовать ее мужа.

– Я надеюсь, вы были почтительны с этой дамой? – спросил герцог. – Указали ей, к примеру, хорошую гостиницу и сообщили, что полковник уехал куда-нибудь... по делам?

Адъютант приосанился и выпятил грудь.

– Она не захотела ехать в гостиницу. Сказала, что очень торопится и ей надо только передать полковнику кое-какие письма.

– Понятно, – вздохнул герцог. – А где он сам, кстати?

– Должен быть у себя, ваша светлость, если только...

– Георг! – крикнул герцог. В дверях показался старый слуга с узким, желтоватым лицом, на котором было написано кислое недовольство. – Сходи-ка к полковнику Браницкому да предупреди его, что его ищет некая особа, возможно, жена... а возможно, и нет, – добавил герцог, поворачиваясь к адъютанту. – В конце концов, может быть, она всего лишь его любовница.

– Она сказала, что он ей просто родственник, – объявил Людвиг. – Но кто станет ради просто родственника приезжать в действующую армию? Поэтому я сразу же заподозрил неладное, ваша светлость.

– Молодец, Людвиг, хвалю, – одобрил герцог, поправляя манжету. – Сообразительность никогда не повредит... ни в своих делах, ни в чужих. – Он улыбнулся, но тут проклятый зуб заболел с удвоенной силой. Увидев свирепую гримасу на лице своего повелителя, адъютант испуганно попятился. – Не пугайтесь так, Людвиг, это зуб. – Герцог сел в кресло и со вздохом поглядел на пирожное, которое совершенно потеряло вид. – Чертова мышь! Нарочно отложил себе одно пирожное с приема в нашу честь, хотел попробовать, когда зуб пройдет, так нет, эта бестия забралась на стол, чтобы его сожрать. Что слышно о Дюмурье?

– Ничего нового, ваша светлость. Он отступил с армией к Аргоннскому лесу. Вероятно, будет отступать до самого Парижа, – рискнул пошутить адъютант.

– Оставьте шутки при себе, Людвиг, – раздраженно пробурчал герцог. – Этот маленький тигр еще может показать когти.

Маленьким тигром враги прозвали Дюмурье за малый рост и энергичный характер. Вообще, этот генерал был одним из самых странных людей, которые поднялись на гребне революции. Он воевал в Семилетней войне, где получил 22 ранения, позже отличился на Корсике, а затем его понесло сражаться в Польшу, где он ухитрился схлестнуться с Суворовым и потерпел от него поражение. Между заварушками Дюмурье занимался деликатными миссиями, как тогда именовали шпионские поручения, и постоянно впутывался в истории, из-за которых периодически попадал в крепость. Все знали, что он интриган, распутник и прохвост, как его точно охарактеризовал герцог, что слово Дюмурье ничего не стоит и доверять ему нельзя, – и, однако же, когда отечество оказалось в опасности, пришлось обратиться именно к этому талантливому, но двуличному человеку. Впрочем, после того, как недавний кумир народа Лафайет бежал из Франции, у революционного правительства и выбора-то особого не

было. Или довериться Дюмурье, его смелости и амбициозности и при этом надеяться, что он не продастся врагу, или вздрагивать при виде каждого фонаря.

– Если он тигр, то вы лев, – тотчас же нашелся искушенный в лести адъютант. – Значит, вы сильнее, ваша светлость.

В дверь постучали. Вошел придворный и, отвесив церемонный поклон, сообщил герцогу, что его величество прусский король был бы весьма рад видеть у себя главнокомандующего, чтобы тот доложил ему обстановку.

– Хорошо, граф, – ответил герцог. – Передайте его величеству, что я скоро буду.

Придворный удалился. Вернулся Георг с сообщением, что полковника Браницкого дома нет и неизвестно, где он обретается. Его денщика на месте тоже нет, зато Георг узнал, как зовут лучшего в округе зубодера, и если его светлости будет угодно...

– Нет, – огрызнулся глава армии в 74 тысячи человек и без пяти минут властелин Франции, – не надо мне никакого зубодера! У меня и так немного зубов осталось, пусть хоть эти мне послужат!

– Как будет угодно вашей светлости, – поклонился Георг. – Сказывают, что этот Сибулэтт – просто кудесник. Зубы вынимает, как косточки из вишен, раз – и нету.

Герцог тихо застонал и схватился за сочинение Цезаря. Однако Георг, за много лет прекрасно изучивший привычки своего господина, успел скрыться за дверью аккурат за секунду до того, как в нее ударил тяжелый том.

В самом скверном расположении духа герцог вышел из дома, собираясь отправиться к королю. Верный Людвиг семенил сзади. Однако не успел герцог сделать и десятка шагов, как перед ним возникла женская фигура.

– Ваша светлость!

Герцог бросил на нее взгляд – и заоченел на месте, боясь шелохнуться от ужаса.

Глава 2

Герцог Брауншвейгский стал главнокомандующим не потому, что носил громкий титул. До того как судьба привела его в Верден, он много воевал и имел случай не раз доказать свою храбрость. Это был человек, закаленный в боях и, уж во всяком случае, привыкший смотреть в лицо опасности. Казалось бы, ничто не могло его испугать.

И тем не менее в это пасмурное сентябрьское утро герцог испытал настоящий ужас. Ни Дюмурье с его армией, ни потоп, ни чума не сумели бы оказать такое воздействие, какое произвело появление этой особы. Ибо она была крупная, высокая, дородная – и феерически некрасивая. Длинное лошадиное лицо усеяно бородавками, причем одна примостилась на кончике носа. Само лицо удачно выражало угрюмую замкнутость вкупе с совершенно неженской свирепостью. Громадный стан незнакомки был схвачен в темное платье с покушением на моду, которое, однако же, навело присутствующих на мысли о бочках и прочих далеких от моды предметах. Жидкие русые волосы были подняты кверху и забраны в сложную прическу. На вид обладательнице всего этого великолепия было не меньше 30 лет (хотя на самом деле не так давно сравнялось 24).

– Что вам угодно, сударыня? – пролепетал герцог.

Монументальная особа сделала попытку улыбнуться. Лучше бы она этого не делала.

– Мы ищем господина Браницкого, – сказала она, и платье угрожающе кракнуло. – Здесь такое странное место, никто ничего не может сказать толком. Где он?

«Так это его жена? – ужаснулся герцог. – Боже мой!»

Таким образом, все получало свое объяснение: и фройляйн Луиза, которую Браницкий всюду таскал с собой под видом денщика, и то, почему этот польский gentilhomme[2 - Дворянин (франц.).] отправился добровольцем на войну с Францией. Если бы герцогу выпало несчастье иметь такую жену, он бы сам бежал от нее за тридевять земель. Душа его преисполнилась сочувствием к подчиненному.

И тут совершенно неожиданно показалось солнце. Собственно говоря, оно так и осталось за низко нависшими тучами, просто из-за спины монументальной особы вышла прехорошенькая молодая женщина с зелеными глазами и сделала очаровательный реверанс.

Герцог Брауншвейгский приосанился.

Герцог Брауншвейгский ожил.

И, что было поразительнее всего, у него даже перестал болеть зуб. Положительно, если красота неспособна спасти мир, то ей все-таки дано спасти хотя бы часть этого мира.

– Ваша светлость, умоляю вас извинить мою служанку Еву... Мы приехали рано утром, а до сих пор не можем найти господина Браницкого. Мне ужасно неловко беспокоить вашу светлость, но...

Его светлость озадаченно моргнул, открыл рот, закрыл его и тотчас же снова открыл, но теперь уже для того, чтобы сказать, что он находится в полном распоряжении фрау Браницкой и он сейчас же пошлет людей за полковником. Произнося эти слова, герцог свирепо покосился на Людвига, и адъютант тотчас же метнулся выполнять поручение.

«Надо же быть таким болваном, как Браницкий! Женат на такой красавице, а возит с собой лахудру, на которую и смотреть-то стыдно».

Как и все военные, герцог Брауншвейгский бывал порой очень груб.

– О нет, ваша светлость, я не имею чести быть женой господина Браницкого, – улыбнулась зеленоглазая чаровница. – Он женат на моей сестре, Шарлотте. Я

еду в Труа, и она попросила меня передать ему несколько писем, если я его встречу.

Она говорила и улыбалась, и в ушах ее при каждом движении танцевали длинные изумрудные сережки. А герцог смотрел на нее и чувствовал, что тает, как воск, и это было чертовски приятно. У нее были длинные черные ресницы, нежная кожа и правильные черты лица, но главным было то, что она словно излучала свет. И это притягивало людей более другого.

Герцог Брауншвейгский объявил, что сестре Шарлотте невероятно повезло с мужем, который проявил себя как отважный офицер и за проявленную им доблесть был произведен в полковники. Не будь в войске Браницкого, он, герцог, чувствовал бы себя как без рук, и лично он не знает никого, кто бы мог сравниться с его подчиненным. В сущности, главнокомандующий говорил правду – он не знал никого другого, кто смог бы устроиться со своей любовницей так, как этот находчивый малый.

Вернулся Людвиг и доложил, что ему удалось найти полковника на площади, где тот допрашивает мародеров. Патруль поймал их неподалеку от Вердена, и теперь Браницкий с ними разбирается.

– Очень хорошо, – одобрил герцог, – мародерства я не потерплю. Людвиг! Проводите даму к господину полковнику, а я иду к королю.

Он учтиво поклонился прелестной belle-soeur[3 - Здесь: свояченица (франц.).] Браницкого и двинулся своей дорогой, думая о самых разных вещах – о том, какое действие производят на самого рассудительного мужчину красивые женские глаза, о своей старости и о чужой цветущей юности. Однако, входя в дом, где жил прусский король, герцог уже не вспоминал ни о женских глазах, ни о своем возрасте. Он перебирал в уме первые фразы своего доклада и между делом подумал, что, пока он в Вердене, хорошо бы завести кошку.

Пока герцог в приемной короля ждал, когда его примут, адъютант вел улочками молодую женщину и ее служанку Еву к полковнику Браницкому. Кое-где мостовая была разобрана, под ногами хлюпали лужи и какие-то грязные бумажки, от сырости превратившиеся в слякоть. Людвиг объяснил, что это были листовки с предложением о сдаче, которые забрасывали в город по приказу герцога.

Они вышли на площадь – самую заурядную, вымощенную серым булыжником и окруженную скучными домами. Дул ветер, и вывеска одной из лавок, на которой был изображен сапог, покачивалась с легким скрипом. У дверей дома напротив расположилась телега с запряженной в нее лошадью. На козлах сидел парнишка лет пятнадцати. Он не отрываясь смотрел на светловолосого офицера, который о чем-то говорил с солдатами, обступившими его со всех сторон. Офицер обернулся, заметил Людвига с его спутницами – и осекся на полуслове.

– Кузен! [4 - В ту эпоху кузен (кузиной) называли любого дальнего родственника или свойственника примерно одного возраста с говорящим.] – проговорила зеленоглазая прелестница.

– Принцесса Амелия! – Он уже шел к ним своими широкими, пружинистыми шагами. – Дорогая кузина, какая приятная неожиданность! У меня нет слов, чтобы выразить, как я рад видеть вас, – добавил он, целуя кузине руку.

– Я тоже, дорогой кузен, – ответила Амелия серьезно. – Я привезла вам письма от Шарлотты.

– Надеюсь, с моей дорогой женой все в порядке? – спросил Браницкий.

– Она волновалась, что от вас долго не было вестей, – после небольшой заминки ответила молодая женщина.

Она только что заметила длинноволосого солдата, который держался несколько в отдалении от основной группы. Солдат равнодушно отвел глаза, но Амелия узнала его и все поняла. Это была Луиза, незаконная дочь их священника, любовница Браницкого, которая родила ему дочь. У самой Шарлотты детей не было, и это было одной из причин охлаждения Августа к браку.

Браницкий заметил, что Амелия переменялась в лице. Ему было и досадно, и немного неловко, но никаких угрызений совести он не испытывал.

– Благодарю вас, что помогли моей кузине найти меня, – сказал он Людвигу. – Можете идти, барон. И передайте его светлости, что я буду здесь – на случай, если ему понадобятся мои услуги.

Едва Людвиг скрылся за углом, Браницкий повернулся к женщинам.

– Признаться, я никак не ожидал вас здесь встретить, дорогая кузина... Надо же, и Ева здесь! С каждым днем все хорошеешь и хорошеешь.

– Вам бы все шутить, господин Браницкий, – проворчала служанка. Судя по всему, она давно привыкла к подобным замечаниям.

– Что касается того, почему моя жена не получала от меня вестей, – продолжал Браницкий, – то я удивлен не менее вас, дорогая кузина, ведь я писал ей три или четыре раза. Не следует забывать, что мы воюем, почта ходит неаккуратно, и мои письма могли затеряться.

Амелии стало скучно. Она поняла, что Браницкий забыл о ее сестре, забыл, потому что хотел забыть; что он не написал ни одного письма и что все его гладкие отговорки не более чем ложь. И оттого ей было особенно трудно смотреть на Луизу, которая стояла, бесстыдно подбоченившись, в своем нелепом мужском наряде.

– У Шарлотты все хорошо? – равнодушно спросил Браницкий.

– Да. Впрочем, она же сама вам написала...

Она повернулась к Еве, которая вытащила из сумочки письма и отдала ей.

– Вот, – проговорила Амелия.

Полковник повертел листки бумаги в руках и спрятал в карман.

– С вашей стороны было очень любезно приехать в Верден, чтобы передать все это мне.

– О, пустяки. Мне все равно надо было в Труа, я решила, что могу навестить вас по дороге.

– В Труа? – озадаченно переспросил Браницкий.

– Да, там у моего мужа... у моего покойного мужа было кое-какое имущество. Теперь я его наследница.

Она умолкла. Браницкий хмуро смотрел на вывеску с сапогом. Вот, значит, чем все кончается. Как она горевала, потеряв мужа, – редкая женщина стала бы так горевать; и он уважал ее за искренность, хотя вообще не склонен был уважать женщин. А теперь – замкнутое, красивое лицо и заветное слово «наследство». Никаких жалоб, никаких упреков, никаких слез. «А может быть, так и надо? – подумал Браницкий, глядя на Амелию. – Ведь все равно никакими слезами ее мужа не воскресить; он мертв, и ничья любовь уже не вернет его к жизни. А так, хоть он и был небогат, ей останется кое-какое имущество в утешение. Да, все правильно: мертвые остаются с мертвыми, живые – с живыми; наши дела не касаются их, их дела не касаются нас».

– Господин полковник!

К ним подошел молодой лейтенант.

– Прошу прощения, господин полковник, но мародеры... Что с ними делать?

– Ах да, – протянул Браницкий. – Ради бога, простите, дорогая кузина. Дела... – Он шагнул к своим солдатам. – Надеюсь, когда мы окажемся в Версале, я буду иметь честь представить вас их королевским величествам.

– Так война и в самом деле окончена? – спросила Амелия.

Браницкий пожал плечами.

– Еще неделя, самое большее две, если жители городов будут сопротивляться, – и мы в Париже. Без сопротивления мы добрались бы туда за пять дней. Да, война окончена... Ну, граждане мародеры, что еще вы мне расскажете? То, что вы не мародеры, я уже слышал.

Только теперь Амелия заметила, что солдаты в центре площади сгрудились вокруг четырех человек, одетых в лохмотья. Один из этих четверых, тощий и строгий, чем-то напоминал священника. Второй был маленький и лопухий, он вертелся на месте и беспрестанно улыбался, пытаясь задобрить Браницкого.

Третий был смазливый молодец с пышными усами, которые он то и дело поглаживал. Что касается четвертого, то, по мнению Евы, он не слишком отличался от своих товарищей. Кроме того, служанка заметила, что он нет-нет да поглядывал на ее госпожу, и Еве эти взгляды не понравились.

- Мы не мародеры, - сказал похожий на священника.

- Мы крестьяне! - вскинулся маленький.

- В самом деле? - холодно спросил Браницкий. - А Карл говорит, что поймал вас, когда вы обшаривали трупы.

- Он ошибся! - горячился маленький. - Мы... мы искали нашего брата!

- Этьена, - подсказал смазливый.

- Он воевал в армии, он был здесь, в Вердене! - кричал маленький. - Мы думали, он убит! Мы хотели найти его, чтобы похоронить!

Браницкий вопросительно поглядел на лейтенанта.

- Они обшаривали трупы, - упрямо сказал тот. - Никого они не искали, господин полковник, это обыкновенные мародеры.

- А ты что скажешь? - спросил Браницкий у четвертого, широкоплечего парня с рубцом от старого шрама на лбу. До сих пор этот человек не проронил ни слова.

- Мы его не знаем! - тотчас же вскинулся маленький.

- Это он мародер, а не мы! - добавил смазливый.

- Вот из-за таких, как он, и возводят напраслину на честных людей, - горько промолвил похожий на священника.

- Я не мародер! - возмутился человек со шрамом. - Этих людей я вижу впервые в жизни!

– При нем было оружие, – сказал лейтенант, подавая Браницкому саблю. Тот взглянул на нее и вернул подчиненному.

– Армейская, – сказал Браницкий. – Так что если ты не мародер, значит, дезертир либо лазутчик.

– Я не дезертир, – упрямо проговорил парень, покосившись на Амелию, которая стояла в нескольких шагах и могла слышать разговор.

– Все равно, – ответил Браницкий, которому надоел этот бессмысленный разговор. – Плауц! Расстрелять их. Пусть все знают, как его светлость относится к мародерам. – Он повернулся, собираясь уйти.

– Но, господин полковник... – несмело начал лейтенант, – у нас осталось мало пуль, и герцог велел их беречь. Неизвестно, когда подойдут обозы... – Он осекся.

– Хорошо, – сказал Браницкий, немного поразмыслив. – Можете повесить, я не имею ничего против.

Лейтенант растерялся. Судя по всему, этот молодой офицер прежде никогда не занимался казнями. Вся его фигура выражала внутреннюю борьбу.

– Господин полковник!

– Что еще? – сухо спросил Браницкий.

– Но у меня нет веревок!

– Так достаньте! – Лейтенант хотел еще что-то возразить, но Браницкий опередил его. – Если вы мне скажете, что у вас нет деревьев, то я вас самого велю повесить. Выполняйте!

В это мгновение Амелия, которая уже собиралась уйти, обернулась.

– Что такое, кузен? – спросила она. – Вы хотите повесить этих несчастных? За что?

Смазливый прежде остальных сообразил, какую выгоду можно извлечь из сердобольности неизвестной красавицы. Он утробно взвыл и кинулся к ее ногам.

– Сударыня! – прокричал он, цепляясь за подол платья. – Мы крестьяне... ей-богу, крестьяне! Мы не мародеры! Мы искали нашего брата...

– Этьена, – подсказал священник.

– Мы не виноваты! За что ж нас казнить? У меня жена, у него детки... Сиротами ведь останутся!

Ева стояла насупясь, и в голове ее пробежали разные любопытные мысли. Прежде всего она думала, как красиво смотрятся подобные сцены в романах и насколько уродливо выглядят в действительности. В самом деле, здоровый детина, валявшийся в ногах ее госпожи и хватавшийся руками за подол ее платья (сделанного, между прочим, из оливково-зеленого шелка), являл собой на редкость жалкое зрелище. Он тряс головой, разевал рот, черты его были искажены, по щекам катились слезы.

– Сударыня, мы не виноваты! – кричал маленький. – Клянусь богом!

– Мы честные люди! – стонал распростертый в пыли. – Сударыня!

Амелия нерешительно взглянула на Браницкого.

– Может быть, вы все-таки отпустите этих несчастных, кузен? – проговорила она. – Я знаю, что не смею просить вас, но что, если вы все-таки ошибаетесь?

Браницкий вздохнул. Упорствовать и далее было бы неделикатно по отношению к молодой женщине; да и по лицу лейтенанта Плауца он видел, что тот испытывал облегчение. Браницкий поймал лукавый взгляд Луизы (эта женщина понимала его без всяких слов) и напустил на себя строгий вид.

– Генрих! – Именно так он называл ее при посторонних.

– Да, господин полковник.

– Сегодня какой день?

– Третье сентября, – удивленно отозвалась его любовница.

– Я знаю, но какого святого?

Луиза задумалась.

– Кажется, святой Розалии.

– А вот и нет, – возразил парень со шрамом. – Сегодня день святого Ремакля. День затворницы Розалии будет завтра.

– Откуда ты знаешь? – с любопытством спросил Браницкий.

Пленник дернул плечом.

– Так, – ответил он. – Я пел в церковном хоре. Ну и...

Он тяжело покраснел, потому что Браницкий расхохотался. Нет слов, не слишком вежливо, но он даже вообразить себе не мог, что этот широкоплечий, крепкий парень пел когда-то в церковном хоре и получал тумаки от кюре за невыученную латынь.

– И кто такой этот святой Ремакль? – спросила Луиза. – Что-то я совсем его не помню.

– Арденнский епископ, – мрачно бросил парень. Больше всего его задело то, что над ним смеялись при Амелии, а он ничего не мог поделать. Он был очень гордым и тяжело переживал нанесенные оскорбления.

– А мы почти в Арденнах, – заметил Браницкий, перестав смеяться. – Ладно! В честь дня святого Ремакля я, так уж и быть, отпускаю вас, но вы обязаны немедленно покинуть город. Если я еще раз вас увижу, то велю повесить, слышите? И тогда все святые и епископы, вместе взятые, вас не спасут!

Он кивнул Плауцу, поклонился Амелии и двинулся прочь. Луиза зашагала следом.

– Ах, сударыня, – простонал смазливый, – вы даже представить себе не можете, что вы для нас сделали!

Амелия молча отстранилась, высвобождая подол. Почему-то теперь, хотя она знала, что поступила как должно, ей было немного неприятно. И эти люди, попавшие в беду, теперь тоже не вызывали у нее ничего, похожего на сочувствие.

– Идем, Ева, – сказала она. – Нам пора ехать.

Похожий на священника громко пререкался с одним из солдат, требуя, чтобы тот вернул ему золотую цепочку. Смазливый, поднявшись на ноги, отряхивал колени. К Плауцу подошел человек со шрамом.

– Чего тебе? – неприязненно спросил лейтенант.

– Мою саблю. Ты ее забрал, а на дорогах беспокойно.

Лейтенант посмотрел ему в глаза и молча бросил саблю в грязную лужу у ног пленника. Солдаты рассмеялись.

– Попадись ты мне! – добавил лейтенант, чтобы последнее слово осталось за ним.

На скулах человека со шрамом дернулись желваки, но усилием воли он все же овладел собой и подобрал испачканное оружие. Отойдя от пруссаков на достаточное расстояние, он вытер его и повесил на пояс, после чего направился к реке. Примерно в том же направлении только что удалилась зеленоглазая незнакомка, но, конечно, это было лишь совпадением.

В толпе на мосту Святого Креста он увидел Амелию, которая разговаривала с каким-то господином в сером сюртуке. Они обменялись несколькими словами, господин учтиво поклонился, и молодая женщина села в карету. Человек со шрамом проводил ее глазами и вздохнул.

Он двинулся к воротам Сент-Мену, не заметив, что в толпе стояли трое его знакомых, и эти трое тоже чрезвычайно внимательно смотрели на свояченицу полковника Браницкого.

- А дамочка-то богатая, - сказал тот, что смахивал на священника.

- Одни сережки сколько стоят, - поддержал его смазливый.

- Черт бы побрал этих пруссаков, - тоскливо промолвил маленький. - Мародеры им, видите ли, не нравятся. Синие[5 - Синие - республиканцы; белые - роялисты.] тоже сволочи порядочные, но хоть грабить не мешают.

- Ты это, язык не распускай, - шепнул священник. - Мало ли кто услышит.

- Чё делать-то будем? - деловито спросил смазливый.

- У меня есть одна мысль, - объявил маленький. - Надо только к куму Жильберу наведаться. У него лошади - просто загляденье.

- Правильно, - одобрил священник. - Надо убираться отсюда поскорее, а не то этот полковник еще про нас вспомнит. Вы как хотите, но у меня нет никакой охоты болтаться на веревке.

- Тогда айда, - сказал маленький. - Он недалеко живет.

Полчаса спустя трое всадников выехали через ворота Сент-Мену. Маленький мурлыкал какую-то песенку, в которой смешались мелодии и мотивы по меньшей мере пяти разных песен. Слова он тоже помнил нетвердо, так что порой у него выходила совершенная бессмыслица.

Спускаясь с холма, кавалькада попала на глаза одинокому путнику, который шагал по дороге. Заметив трех друзей, он нахмурился и проводил их взглядом. Шагов через тридцать сошел с дороги, осмотрелся и свистнул. В чаще неподалеку послышался топот, и из-за деревьев выскочила светлая лошадь. Завидев человека со шрамом, она испустила радостное ржание и закружила на месте. Он похлопал ее по холке, чтобы успокоить, поднялся в седло и подобрал поводья. Всадник не сразу тронулся в путь, видимо, колеблясь, в какую сторону

свернуть, но в конце концов принял решение, дал шпоры и углубился в лес.

Глава 3

Пока Амелия в сопровождении Евы едет в карете и ничего особенного не происходит, мы скажем о ней несколько слов, дабы благосклонный читатель не ломал себе голову.

Анна-Мария-Амелия, которую близкие называли просто Амелией, происходила из старинного рода фон Мейссенов, с незапамятных времен обосновавшегося на рейнских берегах. Род вел свое происхождение от Робера Гискара – норманна, который завоевал Сицилию и часть Италии, и его сына князя Отрантского, который отличился в Первом крестовом походе. О первом из Мейссенов летописи сохранили немного. Он приходился князю незаконным сыном и не мог рассчитывать на отцовское наследство. Скитаясь по Европе, встретил свою будущую жену, за которой получил в приданое небольшой замок и землю Мейссен, давшую имя роду. Последующие поколения Мейссенов, как и подобает настоящим рыцарям, принимали деятельное участие во всех войнах, которые хоть как-то их касались, а еще больше в тех, которые их не касались вовсе. Но время шло, люди становились все более цивилизованными, и нравы Мейссенов тоже смягчились. После XV века среди них попадались не только воины, но и путешественники, и поэты, и даже коллекционеры; а отец Амелии, Леопольд фон Мейссен, был одним из самых образованных людей своего времени. Он переписывался с Вольтером и Дидро, сочинял ученые статьи и придерживался весьма прогрессивных взглядов. Так, он защищал право каждого человека на свободную любовь, что было с его стороны чистым лицемерием, ибо Леопольд много лет прожил душа в душу со своей супругой Аделаидой и даже не помышлял о том, чтобы изменить ей. Единственным, что омрачало их брак, было то обстоятельство, что из всех детей остались в живых только две дочери, Шарлотта и Амелия, а стало быть, со смертью Леопольда старинный род должен был оборваться. И Леопольд, вздыхая, смотрел на герб над входом в замок, изображающий феникса и прочие геральдические прелести, и думал о поколениях, чья жизнь прошла в этих стенах. Сам он был бесконечно далек от свирепых рыцарей, жестоких и прекрасных дам, крестоносцев, авантюристов и норманнских бродяг, но чем-то они его привлекали. Вместо сказок он рассказывал дочерям истории о предках – сюжеты, которые могли дать сто очков вперед легенде о Синей Бороде или заурядному повествованию о Красной

Шапочке, чья выжившая из ума бабушка зачем-то поселилась по соседству с серым волком и едва не погубила и себя, и внучку.

Впрочем, сами дочери Леопольда вполне могли стать героинями какой-нибудь сказки, где старшая сестра непременно самая умная, а младшая самая красивая. С детства роли между ними распределились именно так. К четырнадцати годам Шарлотта уже прочитала всех передовых европейских писателей и изумляла отца здравостью суждений. Под его влиянием она стала сторонницей справедливости, гуманизма и просвещения, чем порой ставила в тупик свою практичную мать, которая помнила, что мужчины любят слушать склонных к философии девушек, но не любят на них жениться. Хорошо хоть, за младшенькой Амелией ничего подобного не водилось. Она была хорошенькая, зеленоглазая и лучезарная, и все встречные ловили себя на том, что готовы ей улыбнуться. Самой умной книге она предпочитала роман с картинками, игра с кошкой была ей милее, чем общество философа, а среди разговора о деспотизме, свободе и необходимости перемен она могла вдруг замолчать и загадочно улыбнуться. Однако Шарлотта первая заметила, что сестра вовсе не так проста, как кажется. На приеме у местного князя, куда семья выбиралась раз или два в год, юную Амелию заметил какой-то нахал и стал допытываться у нее, почему она не ест артишоки. По своему обыкновению, Амелия отмалчивалась до последнего, но, когда настырный собеседник наклонился к ней слишком близко, отодвинулась и звонко объявила:

– Я не люблю артишоков. Говорят, кто с них начинает, закончит огуречными припарками.

Князь открыл рот, Аделаида застыла на месте, а Шарлотта покраснела как маков цвет: артишоки слыли возбуждающим средством, а огуречные припарки – одним из незаменимых средств от сифилиса; намекать на это в приличном обществе значило нарываться на нешуточный скандал.

Однако все закончилось как нельзя лучше: князь объявил, что это самая остроумная шутка, которую ему довелось слышать. Если бы что-то подобное высказала Шарлотта, ее бы сочли глупой, дерзкой и дурно воспитанной; но Амелии почему-то все сходило с рук, даже смелые замечания, которые она подслушала у жившего неподалеку врача.

– Наша младшенькая будет иметь успех, – говорила Аделаида мужу.

– Может быть, – рассеянно отвечал тот. И, ложась вечером в постель, думал о том, что все дорожает, что издание очередного просветительского журнала, который он затеял, обходится ужасно дорого и что расточительность обожаемых им предков привела к тому, что он вряд ли сможет дать двум своим дочерям хорошее приданое.

Но все обошлось: дочери выросли и вышли замуж, сначала Шарлотта, затем Амелия – точь-в-точь как в сказке, где младшая сестра не должна опережать у алтаря старшую.

А потом сказка кончилась.

Шарлотта сама выбрала себе в мужа Августа Браницкого, и отец не стал перечить этому браку, тем более что Август происходил из более чем знатной семьи. В Польше у него были значительные имения, но он рано осиротел, и управляющий, чтобы мальчик не мешал ему распоряжаться имуществом, отправил Августа путешествовать, не забывая каждый месяц щедро снабжать деньгами. Себя, впрочем, управляющий тоже не забывал, но это выяснилось только через много лет. А пока Браницкий наслаждался свободой, ездил из одной страны в другую, служил офицером то там, то здесь и на каком-то из балов увидел Шарлотту. Она влюбилась в него с первого взгляда. Он не имел ничего против, тем более что она ему понравилась, и сделал предложение. Ее разговоры показались ему забавными, и он решил, что по крайней мере с ней будет не скучно. Скучно и в самом деле не было – было просто плохо. Что-то не заладилось в их браке с самого начала, хотя он не обижал ее и поначалу даже не изменял; но она вызывала раздражение, возраставшее с каждым днем, а несколько выкидышей, которые у нее произошли, только усугубили ситуацию. Вскоре он завел первую любовницу, затем еще одну, затем вообще стал стараться присутствовать в лоне семьи как можно меньше. Шарлотта плакала, бегала по докторам, пыталась найти в умных книгах совет, как расположить к себе мужа, как сделать хотя бы так, чтобы он обедал дома, о господи... Но умные книги говорили только о прогрессе, справедливости и человечности, и им не было дела до молодой женщины, которая рыдала ночами в подушку и никак не могла остановиться.

Шел 1789 год. 14 июля сестра Амелия вышла замуж, и в тот же самый день в Париже разразилась революция. Леопольд фон Мейссен встретил события с энтузиазмом – наконец-то начались перемены, которых так долго требовали все просвещенные умы. Шарлотта тоже поначалу была рада – уроки отца не прошли

даром; однако вскоре через границу хлынули толпы эмигрантов. Они заполнили гостиные, салоны и замки; у них были затравленные лица, и хотя они пытались держаться с достоинством, страх сквозил в их словах и жестах. Пугливо понизив голос, эмигранты рассказывали, что творят новые власти. «Они» не уважают священников, «они» хотят ограничить власть короля, «они» сажают в тюрьмы несогласных с их взглядами, а еще есть гильотина, кошмарное изобретение какого-то доктора, и вот этой гильотиной палачи рубят головы всем, кому «они» не по вкусу. Браницкий в то время как раз сошелся с Луизой, и Шарлотта, чтобы забыться, устроила у себя салон, в котором стала принимать эмигрантов. Мало-помалу в ней произошла странная перемена: чем больше она слушала, тем слабее становилась вера в свободу, справедливость и человечность, которую ей привили в детстве. Оказалось, это всего лишь слова, за которыми скрывается все, что угодно; и когда озверевшая толпа врывается в тюрьмы и убивает беззащитных узников, женщин, стариков, священников – это гнусно, это гадко, это нельзя оправдать никакими высокими побуждениями; и когда другая толпа убивает придворную даму принцессу Ламбаль и, отрезав голову, на пике несет ее к окнам королевы – это просто зверство, которому нет названия. И Шарлотта поняла, что ее отец – мечтатель, ослепленный опасными химерами; что в самых умных книгах все не так, как в жизни, потому что в жизни революция – это отчаяние и кровь, человеческая жизнь обесценивается, а наружу вырываются самые отвратительные инстинкты. И когда муж неожиданно сообщил ей, что идет в армию, чтобы воевать с французами, она горячо поддержала это решение.

«Если бы она знала, – подумала Амелия, – почему он так решил... Но я никогда не скажу ей об этом. Наверное, он не напишет ей... или опять скажет, что письмо затерялось... Я сама ей напишу, что он жив, здоров и не ранен, что его произвели в полковники и у него все хорошо. Она наверняка будет счастлива узнать об эт...»

Окончание слова проглотила пуля, ударившаяся в стенку кареты. Ева завизжала, экипаж тряхнуло. Вторая пуля влетела в окно и разбила стекло.

– Якоб! – закричала Амелия. – Якоб, что происходит?

Снаружи доносились топот копыт и крики: «Стой! Стой, кому сказал, не то хуже будет!» Лошади испуганно ржали. Неожиданно карета замедлила ход.

– Сударыня, – пролепетала Ева, побелев как полотно, – это разбойники!

В представлении Амелии, которая в жизни ни разу не бывала за пределами своей законопослушной страны, разбойники – это такие люди, которые водятся исключительно в книгах и к концу а) оказываются переодетыми графами, б) раскаиваются и уходят в монастырь. Если же они осмеливаются из книг шагнуть в жизнь, то их незамедлительно хватают и подвергают казни.

Вопли, ругань, возня, карета останавливается, дверца распаивается и...

– Гы-гы! Не ждали?

Возле кареты стоял тот самый смазливый молодец с пышными усами, который всего несколько минут назад униженно валялся у нее в ногах, заливаясь слезами и уверяя, что он и его сообщники – обыкновенные крестьяне и вообще просто вышли подышать свежим воздухом.

Ева застыла на сиденье, крепко прижимая к груди шкатулку, где находились почти все деньги, которые ее госпожа захватила с собой в дорогу. Что касается Амелии, то она даже не успела испугаться. У нее в голове не укладывалось, как это так – она только что спасла человеку жизнь, и теперь он же на нее напал.

– Что вам угодно? – дрожащим от негодования голосом спросила она.

Смазливый осклабился.

– Слышь, Пьер, дама хочет знать, чего мне угодно! – крикнул он священнику, который держал лошадей. И Амелии: – Мне угодно ваше кольцо. И, – он покосился на Еву, – кубышку. Давайте их сюда, и без шуток, а то я шуток не понимаю.

Амелия поглядела на кольцо с изумрудным маркизом[б - Ограненный камень удлиненной формы, заостренный сверху и снизу.], который переливался на ее пальце. Кольца было ужасно жаль, это фамильная ценность, но делать нечего. Морщась, Амелия стала стаскивать его с пальца. Смазливый меж тем уже успел вытащить из рук у Евы шкатулку.

– Сударыня... – прошептала Ева. – Как же мы...

– Молчи, – велела Амелия, дернув ртом, и протянула кольцо грабителю – так, чтобы не коснуться его коротких пальцев с черной каймой под ногтями, вызывавшими отвращение.

– И сережки, – сказал смазливый деловито, пряча кольцо в карман.

Амелия поглядела ему в лицо, поняла, что тот не отступит, пока не отберет у них все, и стала вынимать из ушей серьги. На ее лице застыла гримаса гадливости, и смазливый – из-за этого выражения, из-за того, что она была настоящая дама, красивая, и пахло от нее дорогими духами, – решил, что убьет ее не сразу, а для начала как следует помучает, чтобы она не воображала о себе. Все равно, если пруссаки найдут тела, то решат, что путешественниц убили синие.

«Интересно, сколько мы выручим за висюльки?» – подумал он, глядя, как Амелия вынимает из уха вторую серьгу, и пригладил усы.

Затем откуда-то сверху и сбоку на него обрушилась ослепительная молния, и с окружающим миром стали происходить странные вещи. Деревья сдвинулись с мест в каком-то диком танце, небо закачалось и перевернулось, и мужчина повалился на землю. У самого его лица оказались опавшие прошлогодние листья, и по одному из них карабкалась божья коровка. Она расправила крылья и взлетела, и это было последним, что незадачливый убийца увидел в своей жизни.

Ева, в ужасе разинув рот, смотрела на человека со шрамом, который неожиданно выскочил откуда-то на лошади, держа в руке саблю. Первым ударом он уложил смазливого, вторым перерубил горло тому, кто был так похож на священника, но последний грабитель, лопоухий коротышка, сидевший на низенькой мохнатой лошади, не пожелал сдаваться просто так. В ошеломлении зажав в кулаке серьгу, Амелия смотрела, как ожесточенно рубятся лопоухий и человек со шрамом – так, что из клинков вылетают синеватые искры. Лопоухий полоснул противника ниже плеча и, казалось, почти достал его, но тот пригнулся в седле и снизу вверх ударил лопоухого саблей в грудь, а затем для верности добавил еще раз. Последний грабитель издал какой-то странный, крякающий звук, повалился с седла и больше не шевелился.

– Ой, – сказала Ева и втянула голову в плечи.

Амелия опустила глаза и увидела, как по подолу катятся две струйки крови, попавшие на него, очевидно, тогда, когда их спаситель разбирался с любителем чужих серег. Зашуршали и взметнулись листья – это человек со шрамом соскочил с лошади. Он покосился на служанку, чей нос с бородавкой выглядывал из-за плеча Амелии, вытер окровавленную саблю об одежду последнего врага и убрал клинок в ножны.

– С... с... сударыня! – тревожнодохнула Ева в ухо госпоже.

Амелия подняла голову. С робостью, которая могла показаться странной в человеке, который только что за здорово живешь прикончил троих бандитов, незнакомец со шрамом преодолел разделявшее их расстояние и подошел к ней. Его лошадь, светлая, какой-то странной желтоватой масти, мотнула головой и принялась щипать траву.

– Вы целы? – спросил незнакомец.

– Вы испачкали мне платье, – еле слышно ответила Амелия.

У незнакомца сделался такой вид, словно он услышал нечто очень странное. Во всяком случае, он явно смутился и принялся чесать правой рукой левую щеку.

– У вас кровь течет, – сказала Амелия.

Он опустил руку и посмотрел на рану на рукаве, который окрасился кровью.

– А... Ну да.

– Как вас зовут? – спросила Амелия, видя, что тот находится в явном затруднении и не знает, как продолжить разговор.

– Меня? Луи, – ответил он, глядя на нее исподлобья.

– Ева, – сказала Амелия по-немецки, обращившись к служанке, – дай мне что-нибудь... Перевязать его.

– А если он с ними заодно? – всполошилась Ева. – Вы посмотрите на него, сударыня, на кого он похож! Конечно же, он такой же разбойник!

Амелия посмотрела – и не увидела ничего нового. Складный молодец, широкоплечий, высокий – пять футов семь дюймов[7 - Приблизительно 1 м 83 см (речь идет о старых футах и дюймах, которые были больше современных).], если не больше; одет в лохмотья, это верно, но, как говорил ее отец, не всем же ходить в шелках и бархате, и потом, нелепо придираться к гардеробу человека, который только что спас вам жизнь. Давно не стриженные темные волосы в беспорядке падают на плечи, голову держит высоко, и шрам на лбу ничуть его не портит. Лицо загорелое, открытое, черты приятные, и даже очень. И глаза. Амелии достаточно было поглядеть в них, чтобы понять, что ее новый знакомый не имеет никакого отношения к разбойникам. Воля ваша, но не может быть разбойником человек, у которого такие замечательные карие глаза с золотыми искорками, которые вспыхивают каждый раз, когда он смотрит на нее. И если что-то в облике Луи ее беспокоило, то, во всяком случае, не глаза и не улыбка, от которой на его щеках появлялись ямочки.

– Он всех нас убьет! – простонала служанка, ломая руки. – Вы видели, как он с ними разделался? Раз – и готово, а ведь у них тоже было оружие!

– Е-ва, – тихо и отдельно проговорила госпожа. И служанка угасла, служанка полезла в сумку, служанка достала какой-то непрезентабельный лоскут... но под взглядом Амелии, которая вдевала в ухо вторую серьгу, извлекла другой, получше.

– Подбери шкатулку, – распорядилась Амелия, вылезая из кареты. Луи, спохватившись, подал ей руку. – И не забудь мое кольцо, оно у него, – добавила она, оборачиваясь к Еве и кивая на труп первого грабителя.

Подобрав юбку, она переступила через убитого, возле которого лежала заветная шкатулка. Несколько золотых кружочков выкатилось и теперь поблескивало в траве.

Ева вышла из кареты и стала собирать деньги обратно в шкатулку, а Амелия занялась рукой своего спасителя. С его точки зрения, это была царапина, но он стал бы последним человеком, который вздумал бы мешать иноземной принцессе заниматься раной.

– Зря вы попросили полковника их отпустить, – выпалил он, когда Амелия наконец перевязала его. – Видно же было, что это за птицы.

Молодая женщина поморщилась.

– Они показались мне несчастными людьми, которые попали в беду, только и всего.

И тут она поняла, что именно в Луи ее настораживало. Дело вовсе не в лохмотьях и не в его нарочито простых манерах, а в том, как он держался. Выправка у него была явно военная, так что не зря кузен Браницкий принял его за лазутчика. Заодно военное прошлое объясняло и ловкость, с которой молодой человек обращался с саблей. Но тут Амелия услышала сдавленный крик служанки – и забыла обо всем на свете.

– Ева! Что случилось?

Служанка выронила шкатулку, рассыпав деньги, и, схватившись за голову, принялась причитать.

– Якоб! Наш кучер! Они убили его!

– Черт возьми! – вырвалось у Луи. Он вскочил на козлы, перевернул тело, которое обмякло на сиденье, потрогал его и, взглянув на женщин, покачал головой.

– Мне очень жаль, – проговорил он, закрывая убитому глаза.

– Мы должны вернуться домой, – решительно сказала Ева. Она опустилась на колени и вновь принялась собирать деньги. – Мы не можем ехать дальше, сударыня!

– Нет, – отрезала Амелия, глядя в сторону.

– Но Якоб! Как мы поедем без кучера?

Госпожа оставила вопрос без ответа.

– Мы должны похоронить его, – сказала она. – Он верой и правдой служил нашей семье много лет. Поблизости есть какой-нибудь город? Или деревня? Нам понадобится священник.

– Сударыня, нам лучше вернуться в Верден, – прошептала Ева. Она собрала все деньги и теперь стояла, прижимая шкатулку к груди обеими руками.

– Я не поеду обратно в Верден, – отозвалась Амелия, и нотки, прозвеневшие в ее голосе, заставили Луи пристальнее взглянуть на нее. – И не уговаривай меня!

– Он же сказал: всего неделя! – жалобно проговорила Ева. – Мы переждем в Вердене, пока они дойдут до Парижа и восстановят порядок, чтобы грабители не подстерегали людей на дорогах. И тогда мы поедem куда вам заблагорассудится! Всего неделя, сударыня!

– Я не хочу ждать, – отрезала молодая женщина. – Мы похороним Якоба, возьмем другого кучера и поедem дальше.

Ева хотела сказать еще что-то, но тут вмешался Луи.

– Если вам нужен кучер, то я могу пока им побыть. Я с детства при лошадях и умею с ними управляться. В той стороне есть какая-то деревня, мы можем отвезти туда беднягу и посмотреть, есть ли там присягнувший священник.

– Какой священник? – переспросила Амелия.

Несколько смущенно Луи пояснил, что теперь все священники приносят присягу Свободе и Равенству. Не так давно они присягали Нации, Закону и Королю, но в связи с последними событиями текст присяги малость изменился.

– А если священник не принесет присягу, что тогда? – любопытствовала Амелия.

Луи пожал плечами.

– Тогда ему не позволят служить и не будут выплачивать жалованье.

– А бога вы тоже заставили приносить присягу? – запальчиво спросила Ева. – Что за глупость! И ваш отец, сударыня, говорил, что это самая просвещенная страна Европы! Белены они тут все объелись, в самом деле?

Даже бородавка на кончике ее носа выражала возмущение.

– Полно, Ева, – вмешалась Амелия. – Священник все равно остается священником, приносил он присягу или нет. – Она обернулась к Луи. – Вы отвезете нас и бедного Якоба в деревню. Я должна позаботиться о похоронах. А потом, если вы не передумаете, поедем дальше. О деньгах можете не беспокоиться: я заплачу столько, сколько вы попросите.

Амелия была слишком хорошо воспитана, чтобы назначать спасшему ее человеку скромное кучерское жалованье, и поэтому предпочла оставить за ним решение этого вопроса. Ева нахмурилась. Ее бы ничуть не удивило, если бы проклятый оборванец не пожелал поймать ее госпожу на слове и не заломил какую-нибудь несусветную цену.

– Денег мне не надо, – сказал Луи сердито. – А до Труа я вас довезу, не беспокойтесь.

– Мы едем не в Труа, – отозвалась Амелия. – Мы направляемся в Амьен.

Глава 4

– Вы же говорили, что едете в Труа... – начал Луи и запнулся.

Его смущение было вполне объяснимо: Труа находится на юго-западе от Вердена, а Амьен – на северо-западе. Амелия внимательно посмотрела на собеседника.

– Кому? Вам, насколько помнится, я ничего не говорила.

– Ну, этому... – протянул Луи, пытаюсь вспомнить, как звали полковника, по чьей милости он едва не познакомился с петлей. – А почему он назвал вас

принцессой? – выпалил он неожиданно.

Ева открыла рот. Она страстно желала, чтобы госпожа поставила на место этого нахала, но Амелия только устало улыбнулась.

– Я младшая в семье. Это просто прозвище.

Конечно, подумал Луи, будь она настоящей принцессой, разве она путешествовала бы только с наводящей страх служанкой и кучером. И тем не менее он вынужден был признать, что семейное прозвище подходило ей как нельзя лучше. Не то чтобы она выглядела надменной, как принцесса крови; но было, было в ее лице какое-то отрешенное, далекое выражение, словно она находилась и здесь, и одновременно – мыслями, быть может, – где-то в другом месте, с другими людьми или в другом времени. И хотя это выражение ей очень шло, Луи бы, наверное, предпочел, чтобы она была чуть попроще, чуть доступнее, чем казалась. Он так и не смог заставить себя сказать ей общепринятое «гражданка» – уже по ее виду было понятно, что она может быть только госпожой.

– Так вы согласны поступить ко мне на службу? – спросила Амелия. – Полагаю, дня за три мы доберемся до Амьена – если, конечно, не случится ничего непредвиденного.

Луи был не самым подозрительным человеком на свете, но ему все-таки пришлось признать, что непоследовательность молодой женщины выглядит странно. Он отлично помнил, как она уверяла своего родича, что едет именно в Труа, и вдруг оказывается, что ей позарез нужно в Амьен. Ева беспокойно шевельнулась.

– Хорошо, – выпалил Луи. – Я доставлю вас в Амьен.

– Тогда едем, – просто сказала Амелия. – Что вы будете делать с вашей лошадью?

– Ничего. Мы заберем ее с собой, я просто привяжу ее сзади к карете.

Он забрался на кучерское место, пристегнул ремнем тело Якоба, чтобы оно не свалилось под колеса, и стал возиться с упряжью. Амелия провела рукой по лбу. Ей казалось, что она что-то забыла или упустила, не то чтобы важное, но...

- Ты нашла мое кольцо? - обернулась она к Еве.

Служанка посмотрела на нее с трепетом.

- Но он же мертвый, сударыня... Я боюсь.

- В чем дело? - спросил Луи.

- Мое кольцо, - ответила Амелия, кивая на тело, распростертое среди листьев. - Оно у него.

Луи шмыгнул носом (заставив Еву всерьез себя возненавидеть), спрыгнул на землю, быстро обыскал труп и поднялся с кольцом в руке.

- Благодарю вас, - ответила Амелия, но надевать драгоценность не стала, а спрятала ее в карман. Луи помог ей забраться в экипаж. Что же до Евы, то ей пришлось залезать туда самой, и Луи захлопнул за ней дверцу.

- Надеюсь, нам не придется жалеть, что мы связались с ним, - проворчала Ева. - И подумать только, что, если бы вы не попросили господина Браницкого отпустить этих негодяев, ничего бы не случилось!

Амелия ничего не ответила. Экипаж тронулся с места, на приличной скорости миновал лес и свернул на дорогу, которая привела путешественниц к небольшой деревушке. Луи подъехал к церкви и натянул вожжи.

Деревенский кюре оказался седым стариком, загорелым до черноты. Он хмуро выслушал Амелию и пустился в описание бед, которые простые люди терпят из-за войны. В соседней деревне синие забрали всех свиней и кур, а в их деревне пруссаки повесили одного из жителей и изнасиловали нескольких женщин. Амелия дала кюре два золотых и попросила похоронить Якоба и отслужить мессы за упокой его души.

– Далеко изволите ехать, сударыня? – спросил священник. Старый человек, он не привык к новомодным веяниям и до сих пор забывал употреблять слово «гражданин» вместо привычного «мсье».

– В Амьен.

Священник вздохнул.

– Я бы советовал вам быть осторожней, сударыня. Тут дело такое, война... разные люди, опять же, вокруг бродят. И свои порой хуже чужих оказываются, – прибавил он с отвращением.

Амелия не сказала ему, что прибыла из-за границы, а по ее французской речи никто не заподозрил бы чужестранку. Поэтому она не стала уточнять, что «свои» для нее были вовсе не те, что для этого старика.

– Вы давно уже живете здесь, наверное, все знаете, – проговорила она. – Возможно ли как-то обогнуть расположение войск, чтобы не встречаться с ними?

– Это вряд ли получится, сударыня, – отозвался старик. – Наши стоят лагерем в Сент-Мену, а Аргоннский лес просто так не объехать. Если же ехать через лес, то вы вряд ли мимо них проскочите. Там всего пять переходов, и везде посты.

– А если все-таки попытаться объехать лес?

Священник задумался.

– Тогда вы наскочите не на синих, а на австрийцев. Они идут со стороны Монмеди. Да и времени много потеряете... Уж не знаю, что и посоветовать, сударыня. Сейчас такое время, что лучше дома сидеть.

– Благодарю вас, – сказала Амелия и вручила ему еще несколько монет. – Если вас не затруднит, передайте их тем женщинам, которые... которые пострадали.

Кюре, которому поведение молодой дамы напомнило о бывшей хозяйке этих мест, великой благотворительнице графине М., которая теперь обреталась где-то в Англии, засуетился, кликнул людей, объявил, что Амелия может не

беспокоиться, что ее человека похоронят в лучшем углу кладбища, под кустами сирени, и что ее поручение насчет женщин он выполнит непременно.

Когда Амелия вышла из церкви, начал накрапывать дождь, но вскоре кончился.

– Лошади не устали? – спросила она у Луи. – Как только Якоба похоронят, мы поедем дальше.

Луи ответил, что с лошадьми все в порядке, разве что молодая пристяжная немного дурит, но еды в деревне нет, лавки закрыты, и вообще... Тут он смешался. Ему было стыдно признаваться, что он с утра ничего не ел, даже не позавтракал, потому что надеялся быстро обернуться, а вместо этого угодил в плен к молодой женщине с зелеными глазами, потому что считал себя ее должником за то, что она спасла ему жизнь.

– Ева! – сказала Амелия, которая сразу же догадалась, в чем дело. – Дай ему поесть.

В Вердене Ева закупила всякой снеди, но служанке ничуть не улыбалось делиться ею с оборванцем, который сел на шею госпоже. Однако пришлось подчиниться: сердито сопя, Ева достала из-под сиденья кареты корзинку с едой, откуда торчали хлеб, бутылка вина и бок окорока. Луи, стоя рядом, смотрел, как Ева взяла хлеб, подумала, покосилась на новоиспеченного кучера и отломила от батона маленький кусочек.

– Это мне или воробьям? – поинтересовался Луи.

– Не хочешь, можешь не есть, – буркнула служанка по-немецки.

В следующее мгновение площадь возле церкви огласил возмущенный вопль. Кричала Ева, у которой Луи выхватил хлеб и, нимало не обинуясь, отломил от него добрую треть. Пришлось Амелии вмешаться и призвать служанку к порядку. Кроме того, она приказала дать кучеру вина и кусок окорока.

– Чтоб ты подавился! – с горечью промолвила Ева, видя, как проклятый оборванец, устроившись на козлах, без зазрения совести уплетает окорок. В ответ Луи расхохотался так, что едва не свалился на землю. Молодая

пристяжная повела ушами и заржала.

– Ржет как лошадь, и ничего ему не станется! – возмутилась Ева.

Ее негодование выглядело так комично, что Луи захохотал еще громче и на сей раз и в самом деле едва не подавился. Он закашлялся, на глазах у него выступили слезы. А Ева в сердцах топнула ногой и побежала в церковь, где скрылась Амелия, – жаловаться госпоже.

Отчаянно жестикулируя, она объявила, что новый кучер – совершенно невыносимый тип, что он непочтителен, ест за четверых, вызывая смеется и... И наверняка он обчистит их до нитки, как только они отвернутся.

– Скажи мне лучше: ты оставила его там одного? – неожиданно спросила Амелия.

Ева открыла рот. Она вспомнила, что деньги и вообще все их имущество было в карете и что ничто сейчас не мешало Луи хлестнуть лошадей и умчаться в облаке пыли. Подобрав юбки, она бросилась бежать из церкви.

Если бы Луи поступил именно так, как она полагала, если бы он воспользовался случаем и удрал, оставив их между двумя армиями без денег и вещей, Ева была бы, конечно, огорчена, но вместе с тем испытала бы и толику удовлетворения. Ведь она предупреждала госпожу, что оборванца не стоит брать на службу и что вообще ничего хорошего из этой затеи не получится. Поэтому служанка была почти разочарована, увидев, что Луи никуда не делся и что он по-прежнему сидит на козлах, истребляя верденские припасы. Он доел кусок окорока, отшвырнул бесполезную шкурку, перехватил взгляд Евы и широко ей улыбнулся. На его щеках вспыхнули ямочки. Ева ответила ему свирепым взглядом, забрала на всякий случай шкатулку из кареты и вернулась в церковь.

– Он там? – спросила Амелия.

– Да.

Подошел кюре и сказал, что для погребения все готово. Церемония заняла меньше часа, и Амелия, стоя под хмурым небом, бросила первый ком земли на

гроб, опущенный в яму возле сиреневых кустов. Ева последовала ее примеру. Гроб забросали землей, и вскоре только небольшой холм напоминал о том, что совсем недавно был человек по имени Якоб, служивший кучером у Амелии, урожденной фон Мейссен.

Луи ждал женщин неподалеку от кареты. Присев на корточки, он гладил пестрого котенка, который играл со шкуркой окорока.

– Нам надо выбрать дорогу, по которой мы будем ехать, – сказала Амелия.

Луи передернул плечами и поднялся.

– А тут нет ничего хитрого. Доберемся до Шалона, а там свернем и через Реймс, Лан и Сен-Кантен доедем до Амьена.

– Меня беспокоит Аргоннский лес, – ответила Амелия после паузы. – Там войска.

– Если у вас бумаги в порядке, вам не о чем беспокоиться, – ответил Луи, испытующе глядя на нее. – Дорога ведет через лес, если пытаться его обойти, потеряем несколько дней... да и потом, войска сейчас повсюду.

Ева заметила, что Амелия колеблется, и попыталась вновь воздействовать на свою госпожу.

– Сударыня! Может быть, нам стоит вернуться? Пока мы не отъехали далеко от Вердена... Кто их знает, этих французов, что у них на уме? Кто не уважает священников, от тех можно всего ожидать.

Амелия отвернулась.

– Я не заставляла тебя ехать со мной. И ты знала, куда мы едем, так что все эти разговоры бессмысленны.

– Сударыня! – вскрикнула Ева, обиженная до глубины души. – Но посудите сами... если с вами что-нибудь случится? Если на нас снова нападут грабители? Если мы попадем под пули?

– Я не хочу даже слышать об этом, – отрезала Амелия. – Все, довольно. Мы едем в Амьен.

Луи подал ей руку и помог забраться в карету. Вслед за Амелией села в карету и Ева, и вскоре деревня осталась позади.

Глава 5

Из разбитого пулей окна тянуло ветерком, и Амелия подумала, что в Шалоне надо будет найти стекольщика, чтобы вставить новое. Она достала из-под сиденья сумку с набором для путешественника, решившего сочинять в дороге, и, взяв листок бумаги, заткнула им дырку в окне, за которым катился густой, угрюмый лес.

«Да, я же хотела написать Шарлотте...»

Приладив на коленях доску с углублением для чернильницы и перьев, она вывела первую строку письма – «Между Верденом и Шалоном, 3 сентября 1792 года», – но тут колеса заскрипели, карета остановилась. Снаружи слышались голоса.

– Кто такие? – строго спросил молодой офицер, подходя к карете. Позади него виднелись насупленные физиономии солдат, одетых в полинявшую синюю форму. – Черт возьми! – вырвалось у офицера, когда он увидел, кто сидит на козлах. – Луи? Где тебя черти носили? Мы уж думали, тебя сца...

– Тихо, Франсуа, – проговорил Луи, оглядываясь на карету и понизив голос. – Ни звука, понял? Ты меня не знаешь и в глаза не видел. Ясно?

– Ни черта не ясно, – упрямо объявил Франсуа. – Что за гражданка в карете? Откуда она взялась? Почему ты у нее вместо кучера?

– Это долгая история, – отмахнулся Луи, – потом расскажу, а сейчас у меня нет времени. Передай генералу, что герцог Брауншвейгский сидит в Вердене и вряд ли сразу же оттуда выйдет. У него не хватает боеприпасов, он ждет обозы. Так

что у нас есть несколько дней, чтобы что-нибудь придумать. Ты меня слушаешь?

- Слушаю, - проворчал Франсуа, - и должен тебе сказать, что ты привез отличные новости. Дюмурье приказал армиям Келлермана и Бёрнонвиля идти на соединение с ним, он хочет дать сражение и задержать герцога, и нам нужно время, пока генералы подойдут сюда. Но ты же знаешь старика, он захочет знать, насколько твои сведения точны. Откуда они у тебя вообще?

- Прежде всего, - объяснил Луи, - меня этим утром хотели расстрелять.

Франсуа вытаращил глаза.

- Ну! Пруссаки?

- Да. Глупо получилось - я стал расспрашивать крестьян, а они меня сдали патрулю. В общем, их полковник велел меня расстрелять. Но лейтенант сказал, что делать этого нельзя, потому что пуль у них мало и герцог велел их беречь. Поэтому меня хотели повесить, и если бы не вмешательство этой дамы... Так что с боеприпасами у них точно туго.

- Понял, - кивнул Франсуа. - Если так, то получается, что время у нас есть, а время сейчас - это все. Я только одного не понял, кто эта гражданка. - И он кивнул на карету.

- Ты же понимаешь, - заметил Луи. - Долг платежом красен. Она едет в Шалон, я провожу ее туда и вернусь.

- В Шалон? А она не может быть шпионкой?

- Потому я и должен ее проводить, - загадочно отозвался Луи. - На всякий случай.

И они с Франсуа обменялись выразительными взглядами.

- Кто она вообще такая? - спросил Франсуа.

– Знакомая того полковника. – Отвечая, Луи неожиданно вспомнил, что даже не знает фамилию Амелии. Он знал только, что ее зовут Амелия, что у нее зеленые глаза и что только благодаря ей он мог смотреть сейчас на облака, на деревья и на потрепанные мундиры солдат.

– А она хорошенькая?

Луи немного замялся. В душе, по правде говоря, он проклинал неуместное любопытство сослуживца, но тут, к счастью, Еве пришла в голову мысль выглянуть в окно, чтобы посмотреть, почему они стоят. Завидев ее, Франсуа изменился в лице и даже отступил на шаг.

– Боже! – простонал он.

– Я не хотел говорить, – объяснил Луи, пряча улыбку. – Ей-богу, только довезу ее до Шалона и вернусь. Если она поедет дальше и если я с ее помощью смогу узнать что-то ценное, то могу исчезнуть на несколько дней. Ты предупреди генерала, что я не просто так отлучился, а...

– Понял, – пробормотал Франсуа. – Ты только береги себя, ладно? А то эдак и пропасть недолго.

В ответ на весьма двусмысленный совет Луи разразился хохотом – таким жизнерадостным, что с ближайшей сосны взлетели несколько мелких птиц. Его товарищ отошел на несколько шагов и приосанился.

– Пароль? – официальным тоном спросил он.

– Победа навсегда! – звонко ответил Луи.

– Свобода, равенство, братство! – крикнул Франсуа.

– Или смерть![8 - Полный текст лозунга революции.] – закончил Луи.

– Проезжайте, гражданин, – важно разрешил Франсуа и сделал знак солдатам отойти в сторону. Гремя и покачиваясь из стороны в сторону, карета проехала пост и двинулась дальше.

В карете Ева повернулась к госпоже.

- Они даже не стали спрашивать у нас бумаги! - с удивлением заметила она.

- Что ж, это упрощает дело, - загадочно ответила Амелия, и ее глаза блеснули.

Пока они не проехали расположение французских войск, их карету останавливали еще четыре или пять раз, но благодаря Луи нигде не стали задерживать. Амелия закончила письмо сестре и запечатала его, когда карета наконец миновала Аргоннский лес и покатила дальше, к Шалону. Дорога здесь была широкая и удобная, но ее запрудили обозы, повозки беженцев и кареты, которые двигались к Парижу. Луи нетерпеливо чертыхнулся. Поток полз еле-еле, и ему пришлось придержать лошадей.

- Что творится, что творится! - пробормотала Ева, не веря своим глазам. - Сударыня, вы только поглядите!

Амелия посмотрела в окно и нахмурилась.

- Так мы и за два дня не доберемся до Шалона, - сказала она. - Луи! Здесь есть другая дорога?

- Есть, но она ведет не туда, куда нам надо, - ответил кучер. - Только время потеряем.

- Все равно, сворачивайте, - распорядилась Амелия. - Мне надо отправить письмо и купить кое-что.

- Как вам будет угодно, гражданка, - буркнул Луи. Ее переменчивость нравилась ему все меньше и меньше.

Ева подпрыгнула на сиденье.

- Сударыня! Вы слышали, как он вас назвал?

- В слове «гражданин» нет ничего обидного, Ева, - заметила Амелия спокойно.

– Но... но... – Ева искала слова, которые могли выразить ее возмущение, – и не находила.

– Тоже мне, принцесса, – меж тем ворчал Луи, обращаясь, очевидно, к молодой пристяжной, которая настороженно водила ушами и косила глазом. – И что мы забыли в этом городишке?

Однако он свернул на боковую дорогу, по которой и в самом деле оказалось ехать гораздо легче. Через четверть часа карета прибыла в крошечный, опрятный городок, где на главной площади высился фонтан с львиными пастями и росло тощее крошечное деревце. Когда карета подъехала ближе, Амелия заметила, что деревце увешано обрывками каких-то пестрых ленточек.

«Ни за что не буду отворять ей дверцу, – смутно подумал Луи. – Слуга я ей, что ли? И вообще она какая-то... непонятная. Когда я того парня зарубил у нее на глазах, у нее даже лицо не дрогнуло. Зато платье ее расстроило. Принцесса!»

Тут он вспомнил тонкую ручку в своей руке, внимательные зеленые глаза – и сам не заметил, как оказался у дверцы кареты.

– Приехали, – буркнул он, помогая Амелии выйти.

– Что это за дерево? – спросила Ева, не утерпев.

Луи поглядел на деревце, увешанное ленточками.

– Это дерево свободы, которое граждане свободной Франции сажают в ее честь.

Ева озадаченно моргнула. Она и не подозревала, что в честь свободы можно сажать какие-то деревья и украшать их лентами. Очевидно, не подозревала об этом и темная кудлатая дворняжка, которая в этот момент как раз пробежала по площади. Одно ухо у нее торчало вверх, а другое смешно висело. Дворняжка бодро подскочила к дереву и задрала лапу.

– А ну пошла отсюда! – взревел какой-то сознательный гражданин, бросаясь на нее. Дворняжка протестующее гавкнула, но все же успела сделать свои собачьи дела и убежала.

– Роялистское отродье! – прокричал гражданин ей вслед, потрясая кулаком. Он покачнулся и едва не упал. У него была широкая красная физиономия, а в мутных глазах плавали страх и ярость. Было видно, что этот человек давно и отчаянно пьян.

К нему подбежала какая-то женщина с испуганным лицом и стала вполголоса его увещевать. Он огрызнулся и взмахнул руками, пытаясь оттолкнуть ее от себя, но потерял равновесие и едва не упал.

– Простите, – спросила Амелия, – вы не подскажете, где у вас почта?

Женщина испуганно взглянула на нее.

– Почта была там, – сказала она, кивая на здание перед ними. – Но почтмейстер запер ее и уехал в Бордо.

– Ник... какой не Бордо! – рявкнул ее муж, шатаясь. – Врет он все! У него брат в армии Конде! Вот он и помчался к нему навстречу! Все они одним миром мазаны... Долой! Да здрра... свобода! Сво-бо-да!

– Клод, прошу тебя! – простонала женщина. – Пруссаки скоро будут здесь! Не надо! Подумай хотя бы о детях!

– Так что же, почты нет? – спросила Амелия.

Женщина покачала головой.

– Мне также нужны стекольщик и портной, – продолжала молодая женщина. – Хоть они-то есть?

– Стекольщик Матьё – его друг, – сказала женщина горько, кивая на мужа. – Сейчас он пьян. Они оба напились, когда узнали, что Верден взят. Муж речи в местном клубе произносил, громил прежние власти, а теперь... Теперь получается, что все будет по-старому.

Амелия и Ева обменялись растерянными взглядами.

– Почтмейстер сбежал, стекольщик пьян, – проворчал Луи. – А как насчет портного, гражданка? Или, может, он повесился на портновской мерке в приливе патриотизма?

– Кто, Бонливе? – удивилась женщина. – Что вы, гражданин! Ему 73 года, и он пережил четырех жен. И пятую завел бы, чтобы пережить и ее тоже, да за него уже никто идти не хочет.

– И где этот Бонливе находится? – спросила Амелия. – Как его найти?

– А вон по той улочке, гражданка, – женщина указала на улицу, в конце которой темнела старая церковь. – Там и вывеску увидите. Он портной хороший, только вот берет дорого.

– Роялист! – заорал пьяница, качаясь. – Долой Бонливе!

– Он, как началась революция, объявил, что теперь у него клиентов больше нет, – пугливо объяснила женщина. – Что ж, он раньше всей местной знати шил, а до нас снисходить ему резону не было.

– Ева, – распорядилась Амелия, – ты остаешься здесь. Подожди нас, мы скоро вернемся.

В дом портного их впустил мальчик-слуга, который спросил, что им угодно.

– Моему человеку, – объяснила Амелия, кивая на Луи, – нужно одеться.

Луи вспыхнул.

– Послушайте, я вовсе не просил вас... – начал он сердито.

– Я не могу позволить, чтобы вы ходили в этом, – возразила Амелия спокойно. – Сегодня все утро шел дождь, и погода не улучшается. Если вы заболете, кто будет моим кучером?

– Я не ваш человек, – буркнул Луи упрямо. – И никогда в жизни ничем не болел.

– Верю вам на слово, но мне будет спокойнее, если я буду знать, что вы тепло одеты и не рискуете простудиться.

Луи хотел сказать, что ему ничего не надо, но тут растворилась дверь, и вошел очень худой, очень высокий старик с осанкой владетельного князя и безукоризненными манерами. Он скользнул взглядом по Луи, перевел взор на Амелию и склонился в почтительном поклоне.

– Счастлив видеть в нашем городе столь достойную особу, сударыня, – объявил он. – Чем могу служить вашей милости?

Амелия объяснила, что Луи нужна новая одежда. Бонливе покачал головой.

– Сожалею, что должен вас огорчить, сударыня, но я не шью для господ санкюлотов, это не мое, да и удовлетворить их вкусы было бы затруднительно. – Он даже не пытался скрыть презрение, сквозившее в его голосе.

Кипя от злости, Луи сделал шаг вперед, намереваясь схватить гнусного старикашку за горло, но его остановил голос Амелии.

– Этот человек вовсе не санкюлот. Он спас мне жизнь.

– В самом деле? – с сомнением протянул Бонливе. – Что ж, тогда это кое-что меняет. Не все, но кое-что. Я, пожалуй, сниму с него мерку.

– Мы не можем оставаться здесь надолго, – вмешалась Амелия. – И я не могу ждать, пока вы сошьете ему одежду. По правде говоря, я думала, может быть, у вас есть какой-нибудь готовый наряд, который пришелся бы впору. Вы бы очень меня обязали, сударь.

Сударь смерил Луи испытующим взглядом и задумался. Что же до молодого человека, то он на всякий случай спрятал руки за спину. Соблазн схватить противного старика за горло был все-таки слишком велик.

– Пожалуй, – проговорил наконец портной, – у меня есть костюм, который заказал мне господин маркиз де ла Балю, и вот он точно будет впору вашему... человеку. Что же до господина маркиза, то он вряд ли будет в претензии,

потому что, насколько мне известно, он сейчас пребывает в весьма отдаленных от Франции местах.

Луи буркнул, что его одежда его вполне устраивает, Амелия попросила портного показать костюм, Бонливе кликнул мальчика, и костюм явился. Сладострастно шурша, развернулся плащ с лиловым подбоем, вспорхнула в воздух белоснежная рубашка, взмыл и повис на ловких руках портного черный сюртук тончайшего сукна. Ворча и упираясь, Луи в конце концов все же позволил загнать себя за ширмы, после чего отступить было некуда. С ощущением человека, вынужденного уступить принуждению, он скинул свои обноски и влез в маркизову одежду. Бонливе стоял возле ширмы и подавал ему одну за другой части костюма.

– Поправьте манжету... Теперь другую... Нет, не так. – Портной зашел за ширму и принялся поправлять сам, после чего окинул свою жертву критическим взором. – Голая шея – это некрасиво. Подождите, я принесу вам галстук.

– Не надо мне никакого... – начал Луи в изнеможении, но старик уже кликнул мальчика и велел принести ему шейные платки, которые в те времена завязывались на шее и назывались галстуками. Когда слуга прибежал обратно, таща с собой целую охапку галстуков, старик безошибочно выудил из нее один, бормоча:

– Галстук должен выглядеть естественно, не бросаться в глаза, не сжимать шею и незаметно подчеркивать достоинства лица... – Он завязал его Луи и отступил на шаг. – Замечательно! Не будь вы санкюлотом, мой милый, я бы сказал, что у вас генеральская статья. Теперь только причесать волосы, и будете почти похожи на человека.

Луи хотел провалиться сквозь землю, но Бонливе был неумолим, и расческа была доставлена. Однако на этом мучения Луи не кончились, потому что старик послал маленького слугу за духами.

– Вы меня поражаете, мой милый, – объявил Бонливе после того, как Луи в который раз выразил свое недовольство. – Достоянная дама желает вам добра, а вы делаете все, чтобы ее огорчить. Пятно у нее на платье – это кровь?

– Не ее, – буркнул Луи. Положительно, от портного ничто не ускользало.

– Я дам ей средство, чтобы ее смыть. Какие у нее манеры! А руки! Давно мне не приходилось видеть таких изящных рук. Разве что у ее величества Марии-Антуанетты, когда она соблаговолила заглянуть в нашу глушь.

– Не говорите вздора, она не похожа на королеву, она совсем другая, – проворчал Луи.

Глаза Бонливе сверкнули.

– Вот как? Вы что же, имели честь видеть ее величество?

– Да, – отрезал Луи, очевидно, выведенный из себя. – В Версале, а потом в Тюильри чуть ли не каждый день. – Он осекся. Бесцветные старческие глаза были прикованы к его лицу.

– Вы попали в чертовски хорошее общество, мой милый, – протянул портной. – Советую вам ценить это. Хорошее общество, знаете ли, на дороге не валяется... А, вот и ты, Поль! Ну как, удалось нам сделать человека из этого мсье?

Мальчик кивнул, благоговейно глядя на портного. Бонливе брызнул на Луи какой-то душистой смесью, отчего тот немилосердно начал чихать, и вытолкнул его из-за ширмы.

– Сударыня, прошу! Надеюсь, мой скромный труд придется вам по нраву...

Амелия, стоявшая у окна, повернула голову. Луи чихнул. Ему хотелось вытереть нос рукавом без всяких церемоний, но, черт возьми, как это сделать, когда ты одет как маркиз и поневоле вынужден вести себя соответствующим образом? Тут он увидел лицо Амелии, понял, что она довольна его преображением, и даже забыл, как отчаянно только что сопротивлялся.

– Да вы волшебник, сударь, – мягко заметила Амелия Бонливе. – Сколько я вам должна?

Услышав цену, Луи остолбенел, но Амелия, очевидно, вовсе не собиралась торговаться. Она заплатила Бонливе столько, сколько он просил. В придачу к костюму тот вручил ей небольшой пузырек: содержимое, по его словам,

выводило любые пятна, Луи захватил свою одежду, и они попрощались с портным.

Глава 6

Ева уже начала волноваться, что Амелии долго нет, когда молодая женщина наконец-то показалась в конце улицы. За Амелией степенно шагала какой-то господин с узлом в руке, державший под мышкой саблю. Служанка мысленно возликовала. Наконец-то госпожа пришла в чувство и догадалась избавиться от оборванца, призвав на помощь вместо него достойного человека; но вот достойный человек подошел ближе, Ева взгляделась в него – и ахнула. Это был тот же самый бродяга, который называл себя Луи; но как же он преобразился! Плащ волной скатывался с плеч, вид поражал своей уверенностью, а на шее красовался повязанный каким-то невообразимым образом белый платок, красиво оттенявший загорелое лицо и темные волосы. Но Луи сам все испортил – видя, как Ева таращится на него, разразился хохотом. Амелия вопросительно оглянулась на него.

– Сударыня! – жалобно воззвала Ева. – Что же это такое?

– А я думала, вы уже знакомы, – заметила молодая женщина. – Возьми, Ева. Это средство для выведения пятен. Надо будет попробовать привести мое платье в порядок.

Ворча, Ева забрала средство. Луи забросил узелок со своим тряпьем на козлы и повернулся к Амелии.

– Мы возвращаемся на шалонскую дорогу? – спросил он.

Молодая женщина покачала головой.

– Двинемся в объезд. Я не хочу терять время.

Карета медленно покатила по городку, и Луи, который не так хорошо знал эти места, расспрашивал всех встречных, как добраться до Амьена, минуя

шалонский тракт. Какой-то гражданин, перетаскивавший в экипаж корзины и свертки, сообщил, что на самом деле никакой сложности тут нет. Надо только проехать дальше, у старого дуба повернуть налево, затем на перекрестке еще раз налево, и примерно через полтора лье вы выедете на дорогу, которая ведет в Реймс. Луи чихнул и поблагодарил гражданина, а тот тем временем принялся запихивать в экипаж колыбельку, в которой спал младенец, не подозревающий о том, в какое непростое время ему выпало появиться на свет.

Карета миновала городок, повернула у старого дуба, который своей кроной заслонял полнеба, и двинулась дальше. На ходу Ева оттирала подол своей госпожи. Как оказалось, старый портной не солгал – средство и в самом деле было что надо. Луи правил лошадыми, хмуро поглядывая на небо. Тучи были желтоватые и больные, и внутри них что-то тяжело ворочалось и погромыхивало.

– Ей-богу, сейчас разразится гроза, – проговорил он.

В волнении он даже не заметил, что на перекрестке свернул не влево, а вправо. Дорога стала подниматься в гору. Упали первые капли дождя, и бумага, вставленная в разбитое стекло, тотчас же намокла.

– Какая неприятная погода в этой стране, – проворчала Ева.

Вдали отрывисто и грозно рявкнул гром, дождь полил сплошной стеной. Лошади замедлили ход. Уже в нескольких шагах на дороге не было ничего видно.

– Луи, что происходит? – крикнула Амелия.

– Вы что, не видите? – крикнул Луи в ответ. – Надо возвращаться!

– Нет, – отозвалась молодая женщина, – едем вперед!

– Куда? – рассердился Луи. – Мы все равно не доедем до Реймса сегодня! Слишком далеко!

– Поезжайте вперед, – повторила Амелия. – На вершине горы я видела какой-то замок.

Луи приподнялся на козлах и взгляделся, но сквозь белесые струи ничего не смог разглядеть.

- Там ничего нет! - крикнул он, отчаявшись привести упрямицу в чувство.

- Нет, есть! - настаивала Амелия. - Я заметила, когда мы были в долине!

- Делайте что вам велят! - поддержала хозяйку Ева.

Проклиная непогоду, скверную дорогу, ледяной дождь, Луи хлестнул лошадей. Дождь, словно обрадовавшись тому, что его жертвам некуда деться, перешел в мелкий град.

- А, чтоб тебе провалиться! - вырвалось у Луи.

Под стук градин карета прокатилась еще несколько сотен метров и неожиданно оказалась во дворе замка. Луи в изумлении поперхнулся.

Это было небольшое шато, всего в два или три этажа. Возможно, когда-то оно наводило страх на все окрестности, но сегодня смотрелось лишь как сильно обветшавшее, унылое жилище. Черные камни тускло блестели, омытые дождем.

- Интересно, кто тут живет? - буркнул Луи себе под нос, спускаясь на землю.

Он постучал в дверь, но никто не ответил. Луи постучал сильнее. Град прекратился, но дождь свирепствовал по-прежнему. Амелия с помощью Евы выбралась из кареты и подошла к Луи.

- Внутри никого нет, - сказал тот. - Ни одно окно не светится.

Он проследил за взглядом молодой женщины и увидел, что она смотрит на маленькую черно-белую кошечку, которая показалась из-за угла. Завидев незнакомых людей, кошка поджала одну лапку, но стоило Луи сделать к ней шаг, как она опрометью метнулась в какую-то щель.

- Там кто-то есть, - проговорила Амелия.

– Это вы из-за кошки так подумали? – спросил Луи. – Но она может быть и одичавшей.

– Нет. Это ухоженная домашняя кошка, за которой кто-то смотрит. Так что внутри точно живут.

Ева успела уже изрядно промокнуть, и к тому же ей наскучили препирательства. Она подошла к двери и налегла на нее всем телом. Та со скрипом подалась.

– Ничего себе! – вырвалось у Луи.

– Кажется, конюшня с той стороны, – сказала Амелия, щурясь сквозь пелену дождя. – Займитесь каретой и лошадьми, а потом идите в замок. Если внутри кто-то есть, мы заплатим за ночлег, потому что двигаться дальше по такой погоде нет смысла... Ева! Забери вещи из кареты.

...Наконец женщины переступили через порог.

Внутри замок оказался таким же, как и снаружи, – старое, мрачное, запущенное здание. Ступени лестницы немилосердно скрипели под ногами, где-то в подполе попискивали мыши.

– Никого, – прошептала Ева, которая шла следом за госпожой.

– Похоже на то, – рассеянно подтвердила Амелия.

Они вошли в большую комнату, должно быть, гостиную. Амелия скользнула взглядом по портретам на стенах, подошла к очагу, потрогала. Очаг был холоден и пуст.

– Похоже, наш друг оказался прав, – проговорила она. – В этом доме давно никто не живет.

Из гостиной они перешли в соседнюю комнату, которая оказалась библиотекой, полной книг. Вытанув из шкафа томик Стерна – французский перевод «Сентиментального путешествия», – Амелия взглянула на дату издания. M.DCC.XC, 1790 год. Стало быть, еще два года назад здесь кто-то жил и даже

покупал книги.

– Наверное, они уехали, оставив здесь то, что не смогли увезти, – сказала служанка.

– За границу? Наверное, ты права.

Дверь отворилась, Ева вздрогнула от неожиданности, но это оказался Луи. Его волосы были мокры, плащ блестел от дождя. Он вытер лицо, обеими руками откинул назад волосы и поглядел на Амелию.

– Конюшня пуста, – сказал он. – Здесь точно никто не живет. А это что, библиотека? Много же у них было книг.

– Да, хорошее собрание, – подтвердила Амелия. – Сенека, Платон, Плутарх, Цицерон, энциклопедия, мадам де Севинье, романы, – она поглядела на книгу, которую держала в руках, – Стерн...

– А кто это такой? – не удержался Луи.

– Хороший писатель, – отозвалась Амелия, ставя том обратно на полку. – Большой оригинал... Здесь Лабрюйер, Руссо... Монтескье... опять Руссо... – И совершенно будничным тоном: – Мой отец с ним переписывался, помнится, даже ездил к нему в Швейцарию.

– Правда? – пробормотал Луи, глядя на нее во все глаза.

– О, отец много с кем переписывался. С Руссо, Вольтером, Д'Аламбером... А что тут? – Она обернулась к другому шкафу. – Много мемуаров... стихи... О, а вот и «Вертер». – Она улыбнулась, но ее глаза, как и всегда, когда она улыбалась, оставались серьезными. – Надо же, а я только утром его видела.

– Кого?

– Автора, господина Гёте, – пояснила Амелия. – Он тоже приехал в Верден.

– Зачем? – удивился Луи.

Амелия пожала плечами.

- По его словам, война – это такое событие, которое нельзя пропустить. Он сказал, что пишет сейчас небольшую пьесу для театра[9 - Скромность господина Гёте делает ему честь. В то время он как раз начал сочинять «Фауста»]. Очень любезный господин.

- Так это он был тогда на мосту? – догадался Луи.

Надо же, знаменитость, европейская величина, а с виду – самый обыкновенный человек. Луи был разочарован. Подумать только, ведь он тоже читал «Вертера», и вот – мало того, что автор ничего особенного из себя не представляет, так еще и не поленился притащиться во Францию, чтобы своими глазами увидеть, как она потерпит поражение.

- Вы нас видели на мосту? – вмешалась Ева. – Так вы что, следили за нами?

Луи ответил ей красноречивым взглядом, который без обиняков говорил, что если бы он и стал следить, то уж точно не за ней.

- Сударыня! – воззвала Ева к хозяйке, оскорбленная до глубины души.

- Хватит ссориться, – вмешалась Амелия. – Нам надо разжечь огонь, приготовить еду и высушить одежду. Ева, ты займешься провизией.

- А он что будет делать? – возмутилась служанка.

- А он пойдет искать дров для очага.

- Лошадей тоже надо накормить, – напомнил Луи, и тут из двери библиотеки потянуло ветерком. Луи машинально оглянулся – и увидел согбенного, дряхлого старика, который стоял на пороге, с любопытством переводя взгляд с одного непрошеного гостя на другого. Возле его ног крутилась черно-белая кошечка.

Первой опомнилась Амелия.

– Ради бога, простите, сударь, за наше вторжение, но с кем имею честь беседовать?

Старик вздохнул. Это был очень просто, почти бедно одетый человек с лицом, изрезанным морщинами. На голове у него был старомодный парик, какие теперь мало кто носил.

– Я Леон, сударыня... Просто Леон. Слуга в этом замке, почитай, уж столько лет... – Он задумался и пожевал губами. – Много, – сказал он наконец.

– А где хозяева? – вмешался Луи. Он вспомнил царившее вокруг запустение, конюшню, в которой не было ни единой лошади, и его удивление начало переходить в гнев. Неужели они уехали и бросили немощного старика одного?

– А хозяева в Англию уехали, – отозвался старик. – В прошлом году. Все надеялись, что вот-вот станет лучше, а оно не становилось. Ну, они собрались и отбыли.

Амелия не верила своим ушам.

– Но вы! Как они могли бросить вас? Почему не взяли с собой?

– Ну кто-то же должен приглядеть за замком, – обидчиво ответил старик. – Вещи тут... книги... мало ли что, вдруг растащат? А вы кто, сударыня, будете? – робко продолжал он. – Стар я стал, не слышу уже ничего...

– Я графиня Амелия фон Хагенау, – представилась молодая женщина, – а это мои люди, Ева и Луи. Мы едем в Амьен, но по шалонской дороге проехать невозможно, она забита беженцами. Вот мы и решили попытаться объехать... А потом полил ливень с градом, и так мы оказались у вас. Но вы не беспокойтесь, Леон. Я заплачу вам за ночлег... хорошо заплачу, – добавила она, волнуясь.

Старик махнул рукой.

– Что вы, сударыня! Не стоит беспокоиться, право же... У нас не гостиница, мы за постой не берем. Оставайтесь сколько вам будет угодно.

– Мы хотели бы разжечь огонь, если вы не возражаете, – заметил Луи. – И если у вас есть овес или хотя бы сено, чем можно накормить лошадей...

Леон задумался.

– Сена осталось немного, – сказал он, – во дворе под навесом. Идемте, я вам покажу. А вы, сударыня, – обратился он к Амелии, – располагайтесь, прошу вас, как дома. Я рад, что ко мне в кои-то веки заехали столь приятные гости... Сюда никто не забредает. Деревенские думают, что я давно умер... ну и бог с ними.

– Как же вы живете? – пролепетала Ева, глядя на Леона во все глаза.

Старик улыбнулся.

– Еды в погребах достаточно, есть и мука, чтобы испечь хлеб, и вино... мне ничего не нужно.

– Но вы же тут совсем один! – вырвалось у Амелии.

– Ну, не то чтобы совсем... ведь есть же Мими, – Леон указал на кошку. – Была у нас и лошадь, но ее угнал какой-то негодяй из деревни... – Он горько покачал головой. – А без людей... что ж, без людей можно обойтись, поверьте мне. – Он обернулся к Луи. – Вы насчет сена спрашивали, молодой человек? Идемте.

Оставшись одни, женщины беспомощно переглянулись.

– Какой ужас, – прошептала Ева. На глазах у нее стояли слезы. – Как они могли так поступить? Это бесчеловечно!

Амелия хмуро поглядела на полки. Да, вот вам и Сенека с мадам де Севинье. И ведь она всегда подозревала, что человек определяется не прекрасными книгами, которые он читает и даже знает наизусть, а лишь своими делами... С точки зрения Амелии, уехать и бросить немощного слугу было отвратительным поступком, и она была совершенно согласна со своей служанкой.

– Когда будешь готовить еду, – сказала она, – не забудь, что нас четверо.

Ева поклонилась и удалилась исполнять хозяйское поручение. Амелия подошла к портрету вельможи, висевшему на стене библиотеки, и долго смотрела на него.

Дверь резко хлопнула, и в комнату стремительным шагом вошел Луи.

- Мне надо поговорить с вами, - начал он, избегая называть Амелию как совершенно не шедшим ей словом «гражданка», так и старомодным «сударыня», против которого бунтовало все его непокорное, свободолюбивое существо.

- Говорите, - велела Амелия.

Луи подошел к ней и стал так близко, что она почти ощущала на лице его дыхание.

- Мне не нравится это место. Мне кажется, что нам лучше убраться отсюда как можно скорее, - сказал он.

- Почему?

Прежде чем ответить, Луи оглянулся, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

- Там во дворе могила. И появилась она не так давно.

Глава 7

- Вы не могли ошибиться? - спросила молодая женщина после паузы.

Луи покачал головой.

- Нет. Это плохо выкопанная могила, потому что очень неглубокая. В ней лежит чье-то тело.

- Вы уверены?

Луи раздраженно повел плечом. По правде говоря, Амелии он совсем не хотел говорить об этом, но раз уж она так упорно не желала верить...

- Я видел руку. Вернее, то, что от нее осталось. Я же говорю, могила неглубокая, и...

Он с досадой заметил, что Амелия не слушает его, глядя куда-то в сторону.

- Да, - наконец промолвила она, - тогда это все объясняет.

- Послушайте, - сердито сказал Луи, - место совершенно пустынное, никто не знает, где мы находимся... и сами мы ничего об этом замке не знаем. Пока не поздно, надо уезжать отсюда. Я вывожу лошадей.

- Не стоит, - ответила Амелия, и в ее голосе прозвенели новые, непонятные ему нотки. - Мы остаемся.

- Но могила!

- Вам не стоит волноваться, - с покровительственностью, которая была для него хуже прямого оскорбления, проговорила молодая женщина. - Уверена, Леон нам все объяснит.

- Как такое можно объяснить? - вспыхнул Луи. - Здесь произошло убийство, если не что похуже! Почему вы не хотите меня слушать? Почему вам вечно надо настоять на своем? Ведь ясно же, что ничего хорошего с нами не будет, если мы тут задержимся!

- Вы считаете меня упрямой, но вы не правы, - спокойно возразила Амелия. - Мы не можем возвращаться под проливной дождь. Нам надо отдохнуть, наши лошади тоже устали. Разожгите огонь в соседней комнате, скоро будем ужинать.

Она хотела выйти, но Луи, которому надоело, что с ним обращаются как со слугой, схватил ее за локоть. Амелия удивленно взглянула на него, и он заметил, как сверкнули ее глаза, - но этого оказалось все же недостаточно, чтобы он пожелал отпустить ее.

– Послушайте, – горячо зашептал он, – я понимаю, с виду он безобидный старик, но что, если на самом деле он в замке не один? Что, если здесь появятся его сообщники, о которых мы ничего не знаем? Безымянная могила – это вовсе не шутки, уверяю вас! Откуда нам знать, что за дела на самом деле творятся в этих стенах? Сегодня вы уже допустили одну ошибку, которая могла дорого вам обойтись. Неужели этого мало?

Амелия высвободила руку и отступила на шаг, вскинув голову.

– И что же за ошибку я успела сегодня совершить? – королевским тоном осведомилась она.

– Вы попросили отпустить этих мерзавцев, – напомнил Луи. По правде говоря, он вообще жалел, что затеял этот разговор.

– Я не люблю, когда вешают людей, – отрезала Амелия. – Действительно, я попросила отпустить четверых, один из которых – вы. Может быть, вас тоже надо было повесить?

Луи растерялся. Она словно нарочно переводила разговор на другую тему, о которой не время было говорить сейчас, когда они находились в подозрительном месте.

– Это глупо, просто глупо, – сердито проговорил он. – Вы хоть понимаете, что бы с вами было, если бы я не подоспел вовремя? Они бы обесчестили вас и убили, вот и все.

– Нет, – коротко ответила она.

– Нет?

– Ничего бы со мной не случилось, даже если бы вас не оказалось рядом. В дороге я всегда держу при себе пистолет. – Луи оторопел. – Поэтому займитесь лучше камином, а остальное предоставьте мне, – закончила она.

И все с тем же далеким выражением лица проплыла мимо него – и скрылась за дверь.

Оставшись один, Луи крепко выругался. Он и не подозревал, что в этой хрупкой, совсем юной женщине таится такое упорство. Но делать нечего: пришлось идти искать дров для очага. Он решил хотя бы не расставаться с саблей на случай, если дело все же обернется плохо.

Через час в гостиной вовсю полыхал камин, и черно-белая кошка, лежа на старом кресле, блаженно щурила на огонь свои зеленые глаза. Комната, притворявшаяся необжитой, неожиданно обрела гостеприимный вид, и при свете стало видно, что ковры на полу, выглядевшие старыми тряпками, на самом деле вытканы с большим искусством, что мебель вся старинная, очень крепкая и прочная, и что царившее здесь запустение было лишь следствием обычной неухоженности. Ева, чье лицо в отблесках казалось красным, накрывала на стол, а Леон сбегал куда-то и принес бутылку, покрытую таким густым слоем паутины, словно над ней поработало не одно поколение пауков.

- 1765, - вздохнул слуга, любовно смахнув паутину с этикетки. - Год смерти его королевского высочества дофина Людовика[10 - Сын Людовика XV и отец королей Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X, который умер при жизни своего отца.]. - Он покосился на Амелию. - Простите за дерзкий вопрос, но вы, сударыня, как я полагаю, роялистка?

- Нет, - ответила Амелия.

- О! Значит, вы сторонница республики?

- Нет. Я сама по себе.

Пробка оказалась слишком тугой. Луи по просьбе старика открыл бутылку, и вино запенилось в бокалах. Все расселись вокруг стола. «Ни за что не буду пить», - мрачно подумал Луи.

- Я бы хотел предложить тост, с вашего позволения, - заметил Леон, поглядывая на Амелию, которая, судя по всему, занимала его куда больше остальных гостей. - За всех честных людей, каких бы взглядов они ни придерживались. И за всех женщин, - добавил он с улыбкой.

Амелия, которая как раз подносила бокал к губам, замешкалась и поставила его на стол. Невольно Луи насторожился.

- Простите за дерзкий вопрос, сударь, – проговорила она, – но я правильно понимаю, что вы – не Леон?

Некоторое время старик молчал. Затем откинулся на спинку кресла.

- Вы правы, – сказал он. – Я – не он.

- Вы – граф д'Эпири, хозяин этого замка, верно? – продолжала Амелия.

- Как вы догадались? – удивился ее собеседник.

- Я видела портрет. В библиотеке.

- Никогда бы не подумал... – начал хозяин смущенно. – И потом, на нем я гораздо моложе.

- Вы мало изменились, – возразила Амелия. – А Леон – это был ваш слуга?

Граф кивнул.

- Он один остался здесь со мной, когда... Когда все уехали.

- Ваша семья? – вырвалось у Луи. Он начал понимать.

- Да, они уехали в Англию, – ответил граф. – А мы с Леоном остались. Я предложил ему хорошие деньги, но он так и не захотел уходить.

- Что с ним случилось? – спросила Амелия.

- Он умер. – Граф вздохнул. – От старости. Мы были с ним примерно одного возраста... Он служил у меня много лет. Я... я хотел позвать на помощь... кюре и людей из деревни... Но оказалось, что кто-то украл единственную лошадь, которая у нас оставалась. Я бы не добрался до деревни пешком... я слишком

стар, поймите. И мне пришлось похоронить Леона во дворе. – Он покосился на Луи. – Боюсь, это плохо у меня получилось. Я понял, что вы заметили могилу.

Все оказалось куда проще, чем воображал человек со шрамом. Луи поглядел на благородное лицо старика, представил себе, каково это – жить в одиночестве в замке на отшибе, когда ветер воет за окнами и дождь хлещет в стекла, и его охватила злость.

– Простите мою прямооту, гражданин, – проговорил он, – но, по-моему, ваши родные – просто сволочи.

– О нет, нет. – Граф покачал головой. – Сын предлагал мне ехать вместе с ним, но я отказался. Дочери уговаривали меня, даже внуки... – Он вздохнул. – Они не хотели уезжать без меня. Но что мне делать в Англии? Я старый человек, сударь, и мне немного осталось. Я хочу умереть в своей стране. Сколько поколений моих предков воевало за нее, и в Столетнюю войну, и после... Думаю, я заслужил это право – уснуть здесь вечным сном. Конечно, когда Леон был жив, было проще. Он приносил из деревни новости, возил газеты, но бог прибрал его. Я не жалею. У меня есть Мими, есть книги. Потом, когда живешь один, многое приходится делать самому, и время идет гораздо быстрее. Я знаю, что моя жизнь подходит к концу, но я к этому готов. – Он поглядел на лицо Амелии и ласково улыбнулся. – Ну вот, сударыня, вижу, что совсем вас расстроил... Давайте лучше ужинать. – Он повернулся к Луи. – Почему вы не пьете? Это прекрасное вино. И вы тоже, мадемуазель Ева... Прошу! За всех вас! Вы замечательные люди, вы навели забытого старика в его уединении...

– Но вы не можете оставаться здесь, – проговорила Амелия, волнуясь. – Вы же совсем один! Послушайте, сударь, у меня в карете есть место, я могу отвезти вас... У вас же наверняка есть родственники, друзья, хоть кто-то, кто может о вас позаботиться. Вы не можете жить здесь один и просто... просто ждать смерти. Это ужасно!

Однако старый граф только покачал головой.

– Нет, сударыня. Благодарю вас, но я уже сделал свой выбор. Я не сдвинусь с места, я хочу умереть здесь и надеюсь, что так оно и будет. Сейчас беспокойно, и тем редким путникам, которые забредают сюда, я говорю, что я слуга Леон, которого оставили стеречь замок. А теперь скажите мне, что творится в Париже?

Я уже несколько недель не имею вестей о том, что там происходит.

Луи объяснил, что в Париже произошло восстание, король заключен в тюрьму, а со стороны прусской границы на столицу движутся войска союзников, которые уже заняли Верден.

– Неужели наши армии настолько слабы, – спросил граф в волнении, – и некому даже противостоять захватчикам?

Стоило Луи упомянуть имя Дюмурье, как у старого графа заблестели глаза.

– А! Дюмурье! Я его помню, он воевал под моим началом в Семилетнюю войну... Ну, с Дюмурье им будет нелегко.

– А я думал, вы роялист и желаете победы союзников, – не удержался Луи.

– Да, я роялист, – просто ответил старик. – Но, сударь, я не верю в добрых соседей, которые просто так помогают тушить пожар. Каждый из них наверняка рассчитывает незаметно стащить при пожаре что-нибудь для себя, а уж когда пылает целая страна... – Он покачал головой.

Они поужинали, и, пока Ева убирала посуду, Амелия повторила свое предложение. Граф вновь ответил отказом. Сколько Амелия ни настаивала, сколько ни убеждала, граф стоял на своем.

– Мы можем завтра поехать в деревню, – наконец сказала она, – и нанять вам слугу, который будет ухаживать за вами.

– И который будет называть меня гражданином и говорить мне «ты», – иронически подхватил граф. – Вы очень добры, сударыня... так же, как и прекрасны. Но я никого не хочу здесь видеть.

Он попросил гостей устраиваться как им будет удобно, пригласил их брать из библиотеки любые книги и удалился в сопровождении Мими.

Луи улегся спать, но сон не шел. Он не мог перестать думать о старике, который сам выбрал свою судьбу и не жаловался на нее. И однажды, когда он будет

сходить по лестнице, его хватит удар, и он покатится по ступеням, а у подножия лестницы будет уже мертв. И Мими будет ходить вокруг него и мяукать, а потом убежит в лес, одичает и забудет о нем. И о чем бы ни пытался думать Луи, мысли его неизменно возвращались к этой сцене.

Вконец измучившись, он решил пойти в библиотеку и взять чего-нибудь почитать на ночь. Когда он проходил через гостиную, от камина все еще веяло теплом, и в глубине дотлевали последние угли. В библиотеке при свете свечи Луи разглядел корешок той книги, которую вертела в руках Амелия, и вытащил том из шкафа. Раз она сказала, что автор хороший писатель, стоило познакомиться.

Возвращаясь через гостиную, Луи задержался у камина, чтобы погреть озябшие руки, и тут его внимание привлекли обгоревшие клочки бумаги между угольев. Вспомнив, что после ужина Амелия и Ева надолго остались в гостиной одни, он вытащил все, что пощадил огонь, и унес добычу к себе.

Судя по всему, в камине жгли бумаги нескольких видов, и на долю Луи достались кусок документа с печатью и некий список имен. Список почти целиком погиб, и все же Луи нахмурился, увидев на крошечном обрывке слово «лорд» и на другом обрывке пояснение «англичанин». Кроме них, можно было прочесть имя Никола и две «де», относящиеся к каким-то дворянским фамилиям.

«И все-таки что-то с ней не так», – подумал Луи, как следует разглядев свою находку.

Документ, который Амелия позаботилась сжечь в камине, был не чем иным, как паспортом на ее имя. Все вместе – какой-то список лордов и дворян (наверняка роялистов), а в особенности сожженный паспорт – отдавало нехорошей тайной, секретной миссией, да попросту шпионажем, который в XVIII веке не вызывал у приличных людей ничего, кроме брезгливого отвращения.

«Вот те на!» – грустно сказал себе Луи. Он вспомнил зеленые глаза Амелии и вздохнул.

И тут до его слуха донеслись какие-то странные звуки, не то всхлипы, не то стоны, так что он даже поднялся с места и на цыпочках, не взяв с собой свечу, выскользнул из комнаты.

Чем ближе он подходил к тому месту, откуда шел звук, тем более убеждался, что это кто-то плачет навзрыд, и даже не плачет – захлебывается слезами так, словно разрывается сердце.

Дверь была приотворена, и Луи бросил взгляд внутрь. Теперь он точно знал, кто именно так плакал, но это ничего не объясняло. Не смея войти (он был уверен, что его бы все равно прогнали прочь), он вернулся к себе и остаток ночи ворочался, пытаясь уснуть.

На душе было тревожно.

Глава 8

На следующий день путешественники попрощались с хозяином, который объяснил, как добраться до Реймса. Амелия повторила свое предложение отвезти графа куда он пожелает, но старик, как и вчера, ответил отказом.

Дорога, ведущая в Реймс, опять оказалась заполнена экипажами. Люди покидали насиженные места из страха перед пруссаками. Кое-где попадались группы солдат, дезертировавших из французской армии, но никто даже не пытался их задержать.

– Что будем делать? – спросил Луи у Амелии, когда им пришлось остановиться из-за повозки, которая опрокинулась где-то впереди и перегородила путь.

– Попробуем объехать, – ответила молодая женщина, – а там видно будет.

И они опять стали пробираться окольными путями, но дорога становилась все уже. Карета перевалила через шаткий мостик и въехала в лес. Наконец Луи остановил лошадей.

– Предлагаю вернуться, – сказал он. – Так мы только время потеряем.

Амелия вышла из кареты и огляделась. Над головой чирикали птицы, белка, завидев людей, молнией взвилась вверх по стволу. Столбы солнечного света расходились до самой земли, в них плясали золотые пылинки и таинственно мерцали нити паутины. День явно обещал быть куда более пригожим, чем вчерашний, и только несколько туч на небе напоминали о том, что гроза может вернуться.

– Сначала поедим, – распорядилась Амелия. – А там будет видно.

Луи не стал спорить. Ева, кряхтя, выбралась из экипажа. От тряской дороги у нее болело все тело, но ведь госпожа не жаловалась, значит, она тоже не имела права жаловаться.

– Я пойду посмотрю, что да как, – объявил Луи и исчез.

Он вернулся через несколько минут и доложил, что неподалеку есть ручей и что неплохо бы напоить коней. Амелия не стала возражать, и Луи распряг лошадей и повел их к ручью. Свою тоже забрал с собой.

– А он хорошо управляется, – заметила Ева. – Не хуже покойного Якоба.

Она достала еду, расстелила на траве скатерть и принялась резать колбасу и пирог. Вскоре Ева объявила, что все готово и можно есть.

– Надо позвать Луи, – сказала Амелия. – Я схожу за ним.

Ручей плескался по камням, глубиной он был по колено, не больше. Лошади, наклонив свои красивые шеи, пили воду, и только светлая, подняв голову, вопросительно смотрела на Луи, который о чем-то говорил, начищая ей бок скребницей.

– Ничего я в женщинах не понимаю, – жаловался он. – Только вот эти глаза... эх! – Он вздохнул. – Как ты думаешь, они нарочно так смотрят, чтобы мы окончательно голову потеряли, или это нам только кажется? Иная посмотрит – и от нее только подальше убежать охота. И вроде красивая, и все при ней, а все равно – душа не лежит. А вот она... Как только она появилась, я даже перестал жалеть, что попался. Если бы только я мог понять, что все это значит...

– С кем это вы разговариваете, Луи? – прозвенел голос позади него.

Луи вздрогнул и уронил скребницу. Поднимая ее, он сконфузился и покраснел. Амелия, стоя в нескольких шагах, спокойно смотрела на него.

– Я... в общем-то...

– Вы, похоже, любите лошадей, – заметила она с подобием улыбки.

– Я? Ну, да... я еще в детстве был в Версале мальчиком при конюшне... – Он запнулся. – Привык к ним. И отец, он тоже был конюх... Ну и, словом...

Все это было совершенно лишнее, и ничего ему не давала его несвоевременная откровенность. Он сознавал, что, наверное, окончательно уронил себя в глазах молодой женщины, чей отец переписывался с самыми знаменитыми философами, и злился на себя – оттого, что в ее присутствии стыдился своего происхождения, оттого, что понимал, что не имеет никакого права его стыдиться, и оттого еще, что отчаянно перед ней робел. Обычно слова так и сыпались у него с языка, но в присутствии Амелии он терялся, сам не зная отчего.

– А ваша мать? – спросила она. – Кто она?

Луи дернул плечом.

– Я ничего о ней не помню. Она умерла, когда мне было года два. Меня воспитывала тетка.

– Она заменила вам мать?

– Какое там, – фыркнул Луи, – через день тумачи и попреки, что я сижу у нее на шее... я уж не чаял, куда сбежать от такой заботы. А у отца была своя жизнь.

Он поглядел на Амелию, увидел на ее лице знакомое ему далекое выражение – и рассердился на себя еще больше.

– Откуда у вас этот шрам? – внезапно спросила она.

Луи насупился.

- Получил, - нехотя буркнул он. - На дуэли.

- Вот как? И из-за чего же вы с ним дрались?

- Из-за того, что он был сволочь. Вот так.

- И вы его убили?

- Нет, - с сожалением отозвался он, - не успел. Только покалечил... так, слегка. Но он это заслужил.

- Значит, не зря Ева вас боится, - заметила Амелия. - Она говорит, что вы опасный человек.

- Это я ее боюсь! - возмутился Луи.

Если бы его приятель Франсуа услышал эту шутку, он бы покатился со смеху; но на Амелию эта фраза не произвела ровным счетом никакого впечатления. И опять он видел перед собой это отрешенное красивое лицо - настолько отрешенное, что иногда его так и подмывало схватить ее и хорошенько встряхнуть, чтобы она взглянула на него по-другому, хоть с гневом, хоть с раздражением, но иначе.

«Я осел», - подумал он обреченно. Какого черта, в самом деле, он распустил язык? К чему ей знать о его тетке, об отце, о его жизни вообще? Все равно она никогда его не поймет, как и он ее. Да и не захочет понять.

- Ева приготовила еду, - сказала Амелия. - Она нас ждет.

Они поели, а потом двинулись дальше. Пару раз сбились с дороги, но к вечеру все же добрались до Реймса, где с большим трудом отыскали место в гостинице. Город был полон самых фантастических слухов - что Дюмурье уже удрал к врагам, подобно тому, как до него это сделал Лафайет, что в Париже вскоре вернут короля, а сторонникам свободы по старинке отрубят головы, не прибегая

к гильотине. Но Амелию интересовало лишь, где найти стекольщика. Утром, едва заменив в карете треснувшее стекло, они снова тронулись в путь.

...Гром взорвался яростной канонадой, оглушил путешественников и покатился над землей, огрызаясь и ворча. Дождь, который хлестал отвесными струями, припустил еще чаще.

– Надо возвращаться в Реймс! – крикнул Луи.

Уже когда они покидали город, тучи налились свинцом и обещали скорую грозу. И в самом деле, стоило путешественникам отъехать от города меньше чем на два лье, хлынул дождь, и какой! Он превратил дорогу в жижу, в которой увязали лошади, ослепил кучера и, с яростью молотя по верху экипажа, почти оглушил обеих женщин. Вдобавок ко всему Луи умудрился сбиться с дороги, и теперь он даже не знал, в каком направлении они движутся.

Амелия крикнула что-то, но в реве грома он не расслышал ее ответ.

– Что? – крикнул Луи.

– Едем дальше! – донеслось до него.

Луи уже понял, что спорить с Амелией бесполезно. Бурча себе под нос разные слова, которые обычно отсутствуют в словарях французского языка, он хлестнул лошадей. Недовольно мотая головами, они перевалили через мост.

– Кажется, мы остановились, – заметила Ева, видя, что пейзаж за окном не меняется. Карета несколько раз дернулась и застыла на месте. Снаружи по-прежнему лил дождь.

Лошади храпели и фыркали. Амелия приотворила дверцу и высунулась наружу.

– Что там, Луи? – крикнула она, видя, что он стоит возле кареты и смотрит куда-то вниз.

– Я же предупреждал, что надо возвращаться! Мы завязли!

– То есть как? – пролепетала Ева.

– Карета застряла в грязи, вот что, – с досадой ответил Луи. – И я не могу сдвинуть ее с места.

Прежде чем он успел шевельнуться, Амелия распахнула дверцу и соскочила на дорогу, прямо в грязь.

– О боже, – беспомощно прошептала она, видя, что колеса ушли в вязкую жижу почти по самую ось.

У Луи вертелось на языке много разного – о том, что он предупреждал, сулил неприятности, и теперь, когда самое скверное все-таки произошло, это случилось исключительно по вине Амелии. Но он увидел ее потерянное лицо, по которому текли струи дождя, и прикусил язык, решив приберечь свое красноречие до другого раза.

– Может быть, если облегчить карету, мы сумеем выбраться? – предложила Амелия. – Ева!

Служанка вышла из кареты, вытащила оттуда кое-что из вещей, Луи стал тянуть лошадей за собой – бесполезно: с громким вздохом колеса вновь провалились в грязь.

– Черт! – выпалил Луи. Оглянувшись, он увидел Еву, которая смотрела на него с осуждением. – Только сказал, а он уже здесь.

Амелия распрямилась, как струна, глаза ее сверкнули.

– Перестаньте обижать ее, – сердито сказала она. – Если вы думаете, что достойно смеяться над человеком, который выглядит не так, как все, то заблуждаетесь.

Луи не мог не признать, что она права, и, смилив свой нрав, пробурчал нечто, что могло сойти за извинение. Он вновь попытался вывезти карету на ровную почву, но даже когда Ева попробовала подтолкнуть экипаж сзади, у них ничего не получилось.

- Влипли, - констатировал Луи.

- Что же нам делать? - спросила Амелия, оглядываясь.

Мост остался позади, слева и справа виднелись купы деревьев, а справа в отдалении за ними к тому же что-то темнело, но была ли это крыша дома или просто большое дерево, сказать было сложно.

- Возвращайтесь в карету, - сказал Луи. - Вы промокнете.

Амелия посмотрела на него так, словно он предлагал ей нечто очень странное.

- Я не хочу, - ответила она.

Луи вздохнул.

- Хорошо. Теперь вот что мы можем сделать. У нас есть моя лошадь, я сяду на нее и поеду за помощью, а вы оставайтесь здесь.

Это было вполне разумное предложение, но он почему-то был уверен, что она ответит отказом.

- Ева останется в карете и будет стеречь вещи. А мы поедем за помощью.

Луи нахмурился.

- Вы мне не доверяете? По-вашему, я могу сбежать и бросить вас здесь?

- Дело не в этом, - спокойно возразила Амелия. - Не думаю, что в такой дождь нам согласятся помочь бескорыстно. Придется договариваться... Ева! Подай мне кошелек.

Ева протянула ей кошелек и забралась в карету. Луи принялся отвязывать свою лошадь.

- Что вы делаете? - спросила Амелия.

- Вы же не можете идти пешком, - сердито сказал Луи. - Садитесь на нее, и идем.

Показалось ли ему или в ее лице и впрямь промелькнул страх?

- Я не сяду на лошадь, - резко проговорила Амелия. - Нет!

Луи поглядел на нее, понял, что она не переменит своего решения, и стал привязывать лошадь обратно.

- Вы можете ехать верхом, если хотите, - прибавила Амелия.

- Ну да, когда вы идете пешком, - обидчиво возразил он. - Наденьте хотя бы плащ. Вы намокнете.

- Ну и пусть, - отрезала она. - Ева! Ты остаешься. Мы скоро вернемся.

Дорога разъезжалась под ногами. От дождя в лужах вздувались пузыри, которые тотчас же лопались. Амелия шла впереди, но Луи без труда нагнал ее и набросил ей на плечи свой плащ.

- Зачем вы едете в Амьен? - спросил он, глядя ей в глаза.

Она взглянула на него удивленно, но от плаща отказываться не стала.

- Это не должно вас интересовать.

Он снова почувствовал себя слугой, которого ставят на место. Дорога пошла в гору, и идти по ней становилось все тяжелее.

- Может быть, вам вообще не стоит туда ехать? - выпалил он.

- Почему вы так думаете?

– Я слышал, как вы плакали ночью, – проговорил Луи, волнуясь. – У вас совсем не счастливый вид.

– Я не плакала, – отрезала Амелия.

– Но я слышал своими ушами...

– Вы ошиблись. Это была Ева.

Луи догнал ее и забежал вперед нее.

– Я видел, – упрямо проговорил он. – Это были вы. Так зачем вы едете в Амьен?

На сей раз она отвернулась.

– Я должна, – сказала она наконец.

– Почему?

– Я дала слово.

– Кому? – Он ничего не понимал. – Что это за слово, если из-за него вы сама не своя? Зачем вам ехать туда, куда ехать не хочется?

– Потому что я дала слово. Я поклялась.

И по ее лицу он понял, что она больше ничего ему не скажет. Он ломал себе голову. Что за слово она могла дать? Кому? Или она попала в какую-то скверную историю – иначе зачем бы ей рыдать тогда ночью в замке, и так страшно, как будто у нее душа рвется на части?

– Я могу чем-нибудь вам помочь? – спросил он.

Но Амелия мотнула головой.

– Нет. Мне никто не может помочь.

Она подняла руку и вытерла щеку.

- Вы плачете? - забеспокоился Луи.

- Нет. Это всего лишь дождь.

Где-то вдали блеснула молния, через несколько секунд глухо и грозно заурчал гром. Бок о бок Амелия и Луи прошли последние шаги - и оказались возле ограды, увитой плющом, за которой росли розовые кусты. Луи поднял голову, увидел большое здание с крестом над главным входом, окруженное конюшнями и более мелкими зданиями, и помрачнел.

- Это монастырь, - сказал он.

- И что? Попросим помощи у настоятеля или настоятельницы.

- Ах да, вы же, наверное, не знаете... - протянул Луи. - Все монастыри распущены, а их имущество продано.

Амелия немного подумала.

- Что ж... Тогда попросим помощи у нового владельца.

Но попросить не получилось. На их стук из-за ворот послышался злобный лай, и огромный пес стал бросаться на ограду, брэнча цепью. Его глаза налились кровью, из пасти свисала слюна. Амелия отшатнулась. Она не боялась животных, но это определенно внушало страх.

- Славный песик, - мрачно сказал Луи. Он повысил голос: - Эй, есть тут кто-нибудь?

Никто не ответил. Амелия беспомощно оглянулась на своего спутника.

- Похоже, придется возвращаться, - сказал Луи. - Не расстраивайтесь, все равно что-нибудь придумаем... Идите вперед, я вас догоню.

Пес глухо зарычал и вновь стал кидаться на ограду. Убедившись, что Амелия отошла, Луи подскочил к ограде и, просунув сквозь нее руку, рванул на себя ветку розового куста, на которой оставался один-единственный белый цветок. Вне себя от бешенства цербер ринулся на него. Отдерни Луи руку долей секунды позже, пес наверняка отгрыз бы ему кисть, но Луи не зря был известен своей ловкостью. Он отскочил на дорогу вместе с похищенной веткой, а пес принялся лаять так яростно, словно хотел поднять на ноги весь ад.

– Ты мне напоминаешь одного моего знакомого, – сказал Луи на прощание, – такого же злобного и такого же глупого. Жаль, что ты с ним не встречался: вы бы составили отличную пару!

И, смеясь от души, он двинулся вслед за Амелией, на ходу обрывая с ветки розу. То, что шипами он поранил себе руку, в счет, разумеется, не шло.

Амелия оглянулась, пытаясь понять, куда Луи мог запропасться. Дождь стал стихать, и она с облегчением подумала, что скоро все кончится, но не тут-то было. Страшный раскат грома потряс землю, и Амелия увидела, что в высокий вяз, который рос возле дороги, ударила молния. Дерево застонало, по ветвям его пробежали языки огня. Молния расколола ствол надвое, и одна его половина рухнула на дорогу, продолжая пылать.

Чувствуя, как под ногами колеблется земля, Амелия затрепетала. Луи схватил ее за руку и стащил с дороги.

– Там за деревьями какая-то хижина; бежим! Оставаться здесь слишком опасно.

Это оказалась не хижина, а старый полуразрушенный амбар, где пахло сеном и на балке дремала сова. Учувя посторонних, она приоткрыла желтые глаза, встряхнула крыльями и вновь задремала. Впрочем, по крайней мере, здесь было сухо, и Амелия сбросила плащ.

– Что это? – спросила она, указывая на розу, которую Луи держал в руке.

Он покраснел.

– А... Это вам.

Она хотела отказаться, но вспомнила, где видела эту розу, и поняла, что именно он сделал, чтобы ее добыть.

– Благодарю вас, – неловко проговорила она.

Забирая цветок, она мимоходом коснулась его пальцев – и только тут заметила на них кровь.

– Вы поранились, – сказала она.

– Да, – ответил он. И безрассудно, не размышляя, просто потому, что на долю секунды ее рука задержалась в его руке, поднес ее пальцы к губам.

А потом он увидел ее глаза – зеленые, околдовывающие, мерцающие – и сгинул в них, увлекаемый безоглядой страстью, которая сжигала его изнутри. Он целовал ее мокрое лицо, лепестки губ, белую шею; он запутался в ее волосах, которые пахли дождем, в ее руках, в мокрой одежде, которая льнула к телу. Весь мир, кроме нее, перестал существовать; и каждый удар сердца был как удар молнии, и в груди у него словно распускалась пылающая роза.

Глава 9

Ева смотрела в окно кареты, по которому ползли струи дождя. По ее подсчетам, прошло больше часа с тех пор, как госпожа и конюх отправились искать помощь. Но вот до нее донеслось шлепанье чьих-то шагов по лужам, и она насторожилась.

Дверца распахнулась, и Амелия забралась в карету. На лице ее было привычное отрешенное выражение, разве что чуть более замкнутое, чем обычно, – но служанка приписала это тому, что шел проливной дождь и вообще все сегодня было против них.

– Вы нашли людей, сударыня? – спросила Ева. – Они помогут нам?

Амелия ответила не сразу.

– Там монастырь, который кто-то купил. А во дворе огромная цепная собака. Новые хозяева не стали выходить. – Она поморщилась. – Луи садится на коня, он поедет в деревню за помощью.

Дождь прекратился, а потом прибыли деревенские молодцы, которым Луи посулил хорошие деньги, если они помогут вытащить карету. Это оказалось не так легко, на вызволение экипажа ушел почти час. Наконец Луи сел на козлы, Амелия расплатилась со своими спасителями, а один из деревенских сел на лошадь и поехал показывать дорогу, которая ведет в Лан, чтобы дама, которая заплатила им настоящим золотом, а не презренными ассигнатами[11 - Бумажные деньги времен революции, которые были подвержены сильной инфляции.], не заблудилась еще раз. В четвертом часу дня карета уже въезжала в город.

Здесь с гостиницами дело обстояло гораздо лучше. Амелия помылась, переоделась, села у окна, за которым виднелся кусок нарядной белой церкви, и задумалась. Вошедшая Ева справилась, не нужно ли чего-нибудь ее госпоже.

– Нет, – ответила Амелия. – Наверное, я лягу отдохнуть. Попроси, чтобы меня не беспокоили.

Ева вышла, а молодая женщина легла в постель и закрыла глаза, но было слишком рано, и сон не шел к ней. «Главное – добраться до Амьена... Догадалась ли Ева? Нет, конечно, она слишком ко мне привязана... Но я не должна была делать этого. Это безумие... дождь сводил меня с ума, и я потеряла голову... потеряла... потеря...»

Спальня куда-то уплыла, а вместо нее возникла большая, светлая комната с камином. Амелия стояла возле двери, пытаясь выйти, – но ей не позволяли.

– Я хочу видеть его!

– Поверьте, вам не стоит этого делать, сударыня...

– Пустите меня! Пустите! Я должна его видеть!

Внезапно комната изменилась, и Амелия увидела, что вокруг нее стоят шкафы, как в библиотеке того старика, графа д'Эпири... Шкафы беззвучно повалились, а

в следующее мгновение из пасти камина на Амелию хлынул кровавый поток. Она закричала...

– Сударыня! – Ева трясла ее за плечо, лицо у служанки было испуганное. Амелия прикрыла рукой глаза, собираясь с мыслями.

– Мне приснился сон. Всего лишь сон.

– Луи хотел вас видеть, – проговорила Ева. – Я сказала, что вы велели вас не беспокоить.

Амелия мрачно посмотрела на нее.

– Что ему надо?

– Он хотел знать, в котором часу мы отправимся завтра утром, – удивленно ответила служанка.

– А, – неопределенно протянула Амелия. Она немного подумала. – Я хочу поговорить с хозяином. Его зовут Бертен, верно?

– Да, сударыня. Позвать его?

Разговор Амелии с Бертеном получился не слишком продолжительным, и содержание его осталось для посторонних тайной. Известно, впрочем, что после него хозяин написал некую записку, которую попросил отнести своему зятю. Мальчик принес ответ менее чем через час, и хозяин вновь поднялся к Амелии.

– Он согласен, – объявил Бертен.

– Очень хорошо. Передайте ему, чтобы он был готов выехать завтра в восемь.

Луи поднялся рано утром. Он хотел отправиться в конюшню, проверить, как там лошади, но тут к нему заглянула Ева.

– Госпожа хочет с тобой поговорить.

Едва услышав, что его зовет Амелия, Луи просиял и тотчас же направился к ней.

– Ты хотела меня видеть? – спросил он.

Амелия сидела за столом в простом платье, которого он прежде на ней не видел, и он подумал, что оно ей очень идет. Он хотел поцеловать ее руку, но рука выскользнула из его пальцев, и опять он натолкнулся на отрешенный, упрямый взгляд. На краю стола лежал кошелек, который он успел вчера заметить в ее руках.

– Возьмите, – сказала она. – Надеюсь, этого хватит.

Ничего не понимая, он взял кошелек, увидел внутри него золотые монеты – и догадался. Его лицо дрогнуло, но он отказывался верить, что все кончится именно так, как и должно кончиться между госпожой и слугой, который ей не пара.

– Что это значит? – тихо спросил он.

Амелия отвернулась.

– Я наняла другого кучера, зятя хозяина. Он доставит нас с Евой в Амьен. А вы свободны.

– Ты не можешь поступить со мной так, – прошептал Луи. Он был очень бледен. – Что я тебе сделал? В чем был неправ?

– Не смейте говорить мне «ты», – проговорила Амелия, и по тому, как сверкнули ее глаза, он понял, что и впрямь все кончено. – Вы ни в чем не виноваты. Это была моя ошибка, но она не повторится.

– Это не ошибка, – горячо возразил Луи. – Я люблю тебя... вас. Не надо... не надо со мной так.

Все-таки она была сделана не из камня. На мгновение в ее лице что-то дрогнуло, и он уже воспрял духом, надеясь, что ему удастся ее переубедить... Но она только покачала головой.

– Вы ничего обо мне не знаете. Поверьте, так будет лучше. Я всем приношу несчастье. Я... – Она запнулась. – Так этого хватит? – спросила она, кивая на кошелек.

Этого уже он не мог стерпеть.

– Да пошла ты к черту! – в бешенстве выпалил он и, схватив кошелек, швырнул ей под ноги – так, что монеты рассыпались и затанцевали, кружа по всей комнате. И Амелия, несмотря на все свое самообладание, все-таки вздрогнула, когда за ним с грохотом затворилась дверь.

Ничего не видя перед собой, он слетел по лестнице, вбежал в конюшню, сел на свою лошадь и поскакал прочь – подальше от Лана, от своей судьбы, от этой лицемерной дряни, которая разбила ему сердце и втоптала его в грязь, так, словно он был слуга, существо второго сорта, которое и человеком-то является по недоразумению.

За городом он остановился. Он задыхался, сердце в груди было тяжелым, словно камень, перед глазами мельтешили кровавые колесницы. В ярости он ударил себя кулаком в лоб и выругался.

Он был оскорблен тем, как с ним обошлись, но едва ли не больше он был оскорблен самим собой – тем, что, несмотря ни на что, не мог перестать думать об Амелии, о ее тающих глазах и нежном лице. И чем дальше он уезжал, тем мучительнее ему хотелось вернуться.

Он покружил на месте, дергая поводья, так что его лошадь стала недовольно мотать головой, но наконец решился и двинулся обратно.

«Придумаю что-нибудь... попрошу прощения... Мне без нее не жить».

Завидев напротив церкви знакомую вывеску гостиницы, он воспрял духом, спрыгнул с лошади и взбежал по ступеням.

Лестница, удивленное лицо хозяина, который шел по коридору, дверь ее комнаты и вот...

В окно смотрелся хмурый сентябрьский день. Комната была пуста. Он опоздал.

Он закрыл за собой дверь и привалился к ней спиной. Обыкновенная комната, не слишком чистая, и кровать узкая, а стол хромает на одну ножку – он только сейчас это заметил. Ничто здесь не напоминало об Амелии, и даже запах ее духов растворился, исчез бесследно, словно ее никогда здесь и не было.

Пора было уходить. Опустив глаза, Луи заметил, как на полу что-то тускло блеснуло. Он присел и извлек из щели между половицами золотую монету – одну из тех, которые он бросил ей под ноги, когда они расстались, ее прощальный оскорбительный дар. Но теперь Луи не ощущал ничего, кроме тихой грусти. В конце концов, эту монету она держала в руках, этот золотой кружок сохранил тепло ее пальцев. Он поднялся и спрятал монету в карман.

– Все в порядке, гражданин? – спросил хозяин, когда Луи вышел из комнаты.

– Лучше не бывает, – буркнул тот.

Стремительным шагом он спустился по лестнице, вскочил на лошадь и покинул Лан. Вскоре он был уже на дороге, которая вела на юго-восток, туда, где среди лесов его ждала Арденнская армия, из которой он прибыл сюда.

А Амелия вечером того же дня велела кучеру остановиться, не доезжая до Амьена, и свернуть к небольшому замку с четырьмя зубчатыми башнями по углам.

– Что вам угодно? – настороженно спросил старый слуга, открывший дверь.

Прежде чем ответить, Амелия оглянулась на Еву.

– Я графиня Амелия фон Хагенау, – сказала она, – невеста виконта Оливье де Вильморена. Я приехала к своему жениху. Он написал мне, что будет в этом замке... по крайней мере, я так его поняла. Он здесь?

– Боже мой! – воскликнул слуга, пораженный до глубины души – Сударыня! Какая честь для нас! Конечно же, мы слышали о вас от господина виконта! Проходите, прошу вас! А это ваша служанка? Мы очень, очень рады видеть вас!

Особенно в это время, которое дает так мало поводов для радости... Прошу вас следовать за мной!

И Амелия с Евой оказались в уютной гостиной, где в большом кресле сидел седовласый господин лет пятидесяти и вслух читал круглолицей молодой женщине какой-то роман.

При появлении Амелии господин опустил книгу и поднялся с места. Молодая женщина тоже встала.

- Господин маркиз, - торжественно откашлявшись, произнес слуга, - это графиня Амелия фон Хагенау, невеста господина виконта!

- Александр, маркиз де Доль, - представился господин, целуя руку Амелии. - А это Анриетта де ла Трав, моя племянница. Счастлив приветствовать вас под этим скромным кровом! - Он шутливо развел руками.

- А где Оливье? - еле слышно спросила Амелия. - Я думала, мой жених...

Она не закончила фразу. Маркиз пристально поглядел на ее лихорадочно блестящие глаза, на красные щеки и слегка нахмурился.

- Я вижу, вы устали с дороги, - сказал он. - Лоран покажет вам комнаты. К сожалению, в связи с недавними прискорбными событиями у нас осталось очень мало слуг, но, может быть, оно и к лучшему. Меньше посторонних ушей, - закончил он с улыбкой. - Что же до виконта, то, я уверен, Анриетта сможет вам лучше меня рассказать, где он сейчас находится. Все дело в том...

Но Амелия не слышала конец фразы любезного господина. Прежде чем Ева успела ее подхватить, она упала на пол в глубоком обмороке.

Часть вторая

Девяносто третий год

Глава 1

В начале апреля 1793 года двое всадников возвращались из Парижа в Амьен. Тот, что ехал слева, был черноволос, с голубыми глазами и выразительным, хорошо вылепленным лицом. Тот, что скакал справа, был белокур и ладно скроен, но на лице его лежала печать заботы. Стоит также отметить, что оба всадника находились в самом расцвете молодости – каждому из них еще не исполнилось и двадцати пяти лет.

После Сен-Кантена, когда дорога пошла посвободнее, блондин оглянулся и, видя, что их никто не может услышать, заговорил громче.

– Вся надежда на то, что эту гнусную республику удастся прикончить в этом году. Кто мог подумать, что прославленный воин герцог Брауншвейгский окажется обыкновенным старым болваном! Вся Франция лежала у его ног, ему было достаточно сделать одно движение, чтобы вернуть закон в эту страну и восстановить монарха в его правах. Но старый глупец медлил и медлил, пока не оказалось слишком поздно: Дюмурье соединился с армиями Келлермана и Бёрнонвиля и дал ему решающий бой при Вальми. Как, как Дюмурье сумел сделать это? Со своей армией оборванцев, которых было меньше, чем закаленных пруссаков герцога, он нанес ему поражение и заставил уйти из Франции! Объясни мне, Арман, как такое возможно? Как герцог мог все потерять?

Черноволосый Арман только пожал плечами.

– Ты знаешь, Оливье, случается и так, что великие полководцы проигрывают решающие битвы, – сказал он. – Бывает и обратное – когда вроде бы посредственный человек обнаруживает искру гения, и как раз тогда, когда это нужнее всего. Мне кажется, с Дюмурье тоже произошло нечто подобное.

– Но ведь битва при Вальми не стала для союзников катастрофой! – вскричал Оливье. – Не настолько велики были потери, чтобы столь мощная армия не могла двигаться дальше!

– Ты забываешь о погоде, – напомнил Арман. – Само небо было тогда против нас, все время шли ужасающие ливни. А Дюмурье оказался вовсе не глуп и к тому же приказал своим людям отобрать у крестьян все припасы. Пруссакам просто было нечего есть, они мерзли и погибали от холода и болезней. И поэтому им пришлось уйти.

– Ты говоришь так, как будто дождь лил только на союзников, а синие были от него избавлены, – парировал Оливье. – И у них тоже было туго с припасами, и им тоже порой было нечего есть, но ведь они победили!

– Дело ведь не только в Вальми, – сказал Арман. – Россия воспользовалась тем, что происходит во Франции, и снова начала перекраивать Польшу. А Австрия и Пруссия не могли остаться в стороне, раздел затрагивал их интересы. Поэтому им пришлось выбирать – Польша или поход на Париж.

– Но ведь они все-таки пришли во Францию не для того, чтобы бесславно проиграть одну битву и удалиться! Почему герцог медлил? Зачем остался в Вердене, вместо того чтобы сразу же идти на Дюмурье? Если бы герцог не дал Келлерману время подойти со своими войсками, ведь ничего этого не случилось бы, пойми! Ни Вальми, ни позора отступления, ни пятна, от которого герцогу теперь уже не отмыться! А так – парижские негодяи сразу же везде раструбили о победе и в тот же день провозгласили республику.

Арман помрачнел.

– Если бы только это... Но они казнили короля.

– Да, этот год начался скверно, – подтвердил Оливье. – Сначала казнь короля, потом – победы Дюмурье в Бельгии, который сумел перевести войну за границу. Но, хвала небесам, нашлась управа и на этого недомерка.

– Да, он был достаточно хорош, пока побеждал, – усмехнулся Арман, – но стоило ему оступиться, и его враги сразу же подняли голову. Ты же видишь, Оливье, эта республика – свора презренных людишек, которые не имеют никакого понятия о государственном устройстве, но все, вплоть до последнего лавочника, рвутся к власти. Теперь Дюмурье обвинили в измене, а ты понимаешь, что это значит по нынешним временам.

– О да, скорый суд и еще более скорую расправу, – ответил Оливье. – Если ты проиграл битву, ты изменник; если ты к тому же носишь дворянскую фамилию, ты изменник вдвойне, и тебе самое место на эшафоте. А я так скажу, Арман: пусть! Чем гнуснее будут действия этого правительства, тем быстрее народ от него отвернется и тем легче нам будет вернуть трон Людовику XVII, законному наследнику своего несчастного отца. Кроме того, тот, кто пострадал за то, что сражался на стороне революционеров, и впрямь изменник, – уже потому, что предал своего короля. Так что все справедливо, Арман, все именно так, как и должно быть.

– Возможно, – отозвался Арман, – тем более что история учит нас, что такие драконовские меры говорят на самом деле о великой слабости. Похоже, что и в самом деле дни республики сочтены.

– И слава богу, – объявил Оливье. – Потому что лавочники не умеют воевать. Произносить речи, убивать в тюрьмах священников, посылать на казнь – сколько угодно. Но воевать они не умеют, и в этом наше спасение.

– Что ты собираешься делать? – спросил Арман.

– Я получил письмо от Ларошжаклена, он предлагает мне ехать в Вандею и бить синих под его началом. Он мой родственник, и мы прекрасно знаем друг друга, но меня смущает, что в его войске сплошные крестьяне. Кроме того, в Париже со мной связался наш друг из Кобленца, и это может оказаться гораздо интереснее. Его человек будет в Амьене, и мы договорились о встрече в известном тебе месте.

– Мне показалось, ты не хотел уезжать из Парижа, – заметил Арман. – Это, случаем, не из-за Терезы?

Оливье покачал головой.

– Нет, из-за моей невесты.

– Невесты? – Арман озадаченно нахмурился. – Постой, это та немка, которую тебе сосватали, потому что ее мать и твой отец состояли в родстве?

– Да, ее мать – француженка, – подтвердил Оливье. – Но ее отец передумал и выдал дочь замуж за какого-то графа, а потом граф умер. Мой отец тогда был серьезно болен, он настаивал, чтобы я написал ей, выразил свои соболезнования. Все-таки она из очень хорошей семьи... и к тому же вовсе не бедна.

– И мне пришлось отдуваться за тебя, – засмеялся Арман. – Я писал эти чертовы письма, пока ты приятно проводил время с Терезой.

Оливье иронически покосился на него.

– Черт бы побрал тебя с твоим эпистолярным стилем, Арман!.. Не сердись, но, похоже, она приехала сюда только из-за этого.

Арман распрямылся в седле.

– Что?

– Я же тебе сказал. Ее родители умерли от оспы, она осталась одна и приехала сюда, во Францию. Каким-то образом ухитрилась добраться до Амьена, и это в самый разгар войны с пруссаками, представляешь?

– Ох, – промолвил Арман. Он явно был обескуражен. – Мне очень жаль, Оливье, что все так получилось. Ты ведь никогда не собирался на ней жениться.

– Да, но мой отец уже давно все решил, – поморщился Оливье. – А потом ее отец передумал, потому что я оказался для нее недостаточно богат. Теперь она вдова, совершенно свободна и ждет меня, а я не знаю, что делать. Потому и не хотел возвращаться.

– Где она сейчас?

– В замке маркиза Александра. Она приехала в начале сентября и сразу же слегла с горячкой. Все перепугались, решили, что это оспа, которую она подхватила от родителей, но оказалось, что она всего лишь простыла в дороге. Она долго болела, и все это время маркиз забрасывал меня письмами, когда я приеду.

- Понятно, - вздохнул Арман. - А сколько ей лет?

- Двадцать два.

- Он что-нибудь написал о ней? Она хорошенькая?

Оливье пожал плечами.

- Маркиз уверяет, что красавица. Но в его возрасте все женщины моложе пятидесяти кажутся красавицами.

- А Тереза тоже в замке? - спросил Арман.

Оливье кивнул.

- Я думаю, маркиз не просто так писал мне и торопил. Как бы то ни было, мои намерения вполне определены. Я не собираюсь жениться на этой особе. Я не знаю ее, но подозреваю, что у нас нет ничего общего. Ее родители умерли, мой отец тоже умер, так что у меня нет никаких причин следовать чужим желаниям. Я уже не говорю о чувствах - это вообще смешно.

- Должен сказать, я считаю, ты совершенно прав, - заметил Арман. - Человек не должен жениться потому, что так захотелось его родителям. И если она приехала из-за моих писем... - Он немного подумал. - Пожалуй, я постараюсь отвлечь ее внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Во французской армии при обращении к старшим офицерам принято добавлять «мой».

2

Дворянин (франц.).

3

Здесь: свояченица (франц.).

4

В ту эпоху кузенom (кузиной) называли любого дальнего родственника или свойственника примерно одного возраста с говорящим.

5

Синие – республиканцы; белые – роялисты.

6

Ограниченный камень удлиненной формы, заостренный сверху и снизу.

7

Приблизительно 1 м 83 см (речь идет о старых футах и дюймах, которые были больше современных).

8

Полный текст лозунга революции.

9

Скромность господина Гёте делает ему честь. В то время он как раз начал сочинять «Фауста».

10

Сын Людовика XV и отец королей Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X, который умер при жизни своего отца.

11

Бумажные деньги времен революции, которые были подвержены сильной инфляции.

Купить: https://tellnovel.me/ru/verbinina_valeriya/sinee-na-zolotom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)